

**ИЕРОСХИМОНАХ АМФИЛОХИЙ
(ТРУБЧАНИНОВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ)**

СИЛА КРЕСТА ХРИСТОВА

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	3
КРЕСТИК	7
КРАСНАЯ ТУШЬ	23
НЕ УМРУ, НО ЖИВ БУДУ... ..	39
ДОМ	59
ВЫБОР	65
ЗАЩИТА ЦЕРКВИ	69
«ОТ НЕГО АНГЕЛ НЕ ОТХОДИТ»	73
ЧУДОВИЩЕ	79
АННУШКА ПРОЗОРЛИВИЦА.....	81
БОСЫЙ	85
ГОЛОСОВАНИЕ	89

СРЕДНИЙ БРАТ	93
СТАРШИЙ БРАТ	97
КРЕСТ В ГОЛОВАХ.....	101
ХОДАТАЙ	105
АРХИСТРАТИГ МИХАИЛ — ЖИВОЙ ..	109
ЗАЩИТА КРЕСТИКА	113
ПРО ЖЕНИТЬБУ.....	115
ПРОИСКИ ДЬЯВОЛА	117
НЕПОСЛУШАНИЕ.....	125
ИЗГНАНИЕ БЕСА.....	127
НАШ ОТЕЦ НИКОЛАЙ.....	133
ОТЕЦ СИМЕОН.....	149
СЛЕЗЫ.....	151
УКРАШАЙТЕСЬ.....	153
ВОСКРЕШЕНИЕ МАТЕРИ.....	155
АФЕРИСТЫ	161

КРЕСТИК

Господь вечен, а «Человек, яко трава дние его, яко цвет сельный, тако оцветет» (Пс.102,15). Всякое тело тленно, но бессмертна душа. Бог хочет всем спастись, каждой душе, и моей тоже. А было это так... Еще до армии играл я на баяне. Это как забава. Мама верующая была. Она слезы проливала над тем, что я по великим церковным праздникам то на сцене играл, то на свадьбах. И напивался до безумия.

Привезут меня домой — мама опять в плач. Для ее утешения я носил крестик, а дух тайной злобы ненавидит тех, кто при кресте. Когда иду куда-нибудь играть, меня совесть мучает: танцы-то, песни — развратные. И перед игрой я крестик снимал, тайно. Становилось как будто хорошо.

Подошло время войны, сорок первый год. Меня призвали в армию. Я собрался, а мама спрашивает:

— А крестик твой где?

— Зачем он мне? Он мне не нужен.

— Как не нужен? — заплакала мама. Я не послушал маму и ушел без креста на сборный пункт, около сельсовета. Стали подходить подводы, нас было много. Приходит мама вместе с крестной. И только объявили: «Занимайте места!» — крестная как меня схватила, целует, плачет:

— Ты ж мой сыночек, ты ж идешь на войну, может, раненый будешь или больной... Что я тебе дам? Я же твоя крестная. Вот, возьми крестик.

Тут я не отказался. Крестик аккуратненько был завернут в бумажечку, я и положил его в кошелек.

Повезли нас за границу, в Персию. Окончил там школу младших командиров. Про крестик я и забыл, он мне был и не нужен.

В армии я тоже объявился баянистом. Начались репетиции, со службы отпускали раньше. И вдруг я заболел, мигом. Эта болезнь не только меня посетила, многих.

Дня через два меня из палаты на носилках перенесли в изолятор и дали кислородную подушку. И вот, приходит ко мне сослуживец из нашего района, с Никополя.

— Хорошо, — говорю, — что ты пришел, я уже кончаюсь в этой жизни.

Отдаю ему адреса, фотографии. А про крестик забыл. И вдруг из кошелька выпадает бумажный сверточек. Я ни ему и никому не сказал, спрятал его. Попрощались с земляком со слезами. Жить оставалось два-три часа. По другим больным было известно. Когда развернул бумажку и увидел свой крестик, я как закричу:

— Господи, я Тебя оставил, а Ты со мной!

Начал плакать, целовать крестик. Надел на шею и опять целую. И будто слышу голос крестной: «Ты ж больной, обращай к Нему с верой».

Я прошу:

— Господи, исцели меня!

Соседи по палате смотрят на меня и говорят:

— Уже и этот доходит, конец ему.

Со слезами опять кричу:

— Я Тебя оставил и от Тебя отказался, прости и исцели!

Ребята насмеваются:

— Кончается...

А я уснул. Крестик как взял в рот, целуя, так он у меня там и остался. До подушки с кислородом так и не касаюсь.

Утром просыпаюсь, смотрю, тех, кто лежал со мной, уже нет, вынесли... Приходит врач. Нас двое. Сосед мой тоже жив. Может, для свидетельства Господь оставил его.

У меня болезнь прошла, чувствую себя здоровым. И захотелось воды. Ну так хочется пить. А живот у меня был страшный, как большой надутый пузырь. Дали попить. Подошли еще врачи и удивляются: как же так?... А сосед и говорит:

— У него вчера был друг и какую-то железячку ему дал. Так он с ней и уснул.

Я поворачиваюсь:

— Не железячка, а крестик.

Врачи просят:

— Ану, покажи, какой крестик?

Посмотрели — и тоже: это не железячка, и взяли меня сразу из изолятора в общую палату. Вскоре я укрепился. Мне диету давали. Отваривали рис, несоленый, и пол стаканчика отвара три раза в день пил. И потом манную кашу. С едой у нас было хорошо. Мы в Персии были, недалеко от горы Арарат, которая на турецкой земле была.

Как объясняли нам на политзанятиях, еще в двадцать втором году мы заключили с Персией договор. В случае какой угрозы для Кавказа мы можем в Персии на границе держать свои войска, а не доверяться персидским воинам.

Когда выздоровел, вернулся в свой полк. И снова заступил на службу. А тут прислали нам нового лейтенанта, молодого. И вот как-то в перерыве слышу:

— Командира первого отделения ко мне!

Я подхожу, по-военному докладываю. Он как-то нелюдимо на меня посмотрел — и сразу:

— Ты что, с крестом?!

— Да, — отвечаю я.

— Ану, покажи!

Я вынул крестик из-под гимнастерки, а он схватил, я ж не ожидал, и сорвал его. У самого пена со рта, такой страшный сделался.

Я, конечно, бессильный был — что я. С ним сражаться буду? Я только сказал:

— Если крест снять, то зачем воевать? Мне нечего защищать.

А когда сдавались дивизиями, и Сталин издал строгий приказ: за невыполнение приказа командира наказание вплоть до расстрела на месте. Но снятие креста не является же признаком военного значения? И говорю, что этот приказ не выполняю. Он вынул пистолет, и хотел выстрелить, но тут ребята за меня заступились. Выхватили у него пистолет и сказали:

— Мы сейчас пойдем к начальнику особого отдела и доложим, что ты хотел застрелить нашего товарища!

Так он упал перед ними на колени:

— Не доносите, не доносите...

— А за что ты хотел его пристрелить?

— Я не могу на него смотреть, — отвечает.

Оказалось, что он некрещеный. А мне приказывает:

— Иди по начальству и докладывай, что я не допускаю тебя до занятий, так как ты не выполнил моего приказа. Начиная с командира взвода.

Я надел крестик и пошел. Беру свою винтовку, так как она за мной числится. А он кричит:

— Ты не имеешь права брать оружие!

Ну и ладно. Прихожу в военный городок и пошел по инстанциям, говорю всем: любой приказ военного значения выполню, а этот не буду. В ответ слышу:

— Да что с ним нянькаться, да за угол завести и шлепнуть.

Под вечер попадаю к начальнику особого отдела. Говорит он со мной ласково:

— Ну, что вы не поделили?

— Как что? Он сорвал с меня крестик и не допустил до занятий.

— Надо было его снять, а потом обжаловать.

— Если б я снял, тогда самому на себя жаловался?

— Оружие на него поднимали?

— Я взял винтовку как личное оружие, а когда он

сказал, что я не имею права, я и бросил.

— Почему бросил?

— А мне нечего защищать, раз крест снят. Вы слышали, как наш Патриарх призывал всех на защиту нашего Отечества? С молитвами и крестом. Это же наше оружие.

— Ну, хорошо. Вы знаете, что мы находимся за границей? И такой конфликт... Мы даже не знаем, а за нами следят. Вот что, решим так: что командир полка скажет, так и будет.

Прихожу в последнюю инстанцию. Весь командный состав в сборе. Ожидают меня.

— Какой был приказ? — спрашивает полковник.

— Крестик снять.

— А ты что, крестик носишь?

— Да.

— Ану, покажи.

Вынимаю, показываю. Крестик такой блестящий.

— Он что, золотой?

— Нет.

Полковник поворачивается к командирам:

— Первый раз вижу крестик.

Меня сразу толкнуло: и этот некрещеный.

— Ты знаешь, куда ты призван?! Ты призван в ряды Советской Армии. Кто здесь с крестом? Никого. Какое мы можем оказать тебе доверие, когда ты с крестом?

— Я лежал в изоляторе, оставались часы. Сами знаете сколько поумирало. А я получил от крестика исцеление.

— Как так ты его получил?!

— Я до кислородной подушки не касался, а во рту у меня был крестик. Это защита нашей жизни и наше оружие. И если снять крест, то за что мне воевать?

— Как ты смеешь так говорить? Что ты здесь мелешь?! — закричал командир полка. — Приказываю крест снять!

— Приказа этого я не выполню.

Он еще раз повторяет, с угрозой.

— Любой давайте приказ военного действия — пойду! А этого не выполню.

Тут откуда-то взялись солдаты. Сорвали с меня погоны, звездочки.

— Десять суток строгого! — объявил командир

полка. — Будешь получать двести граммов хлеба и кружку воды. В сутки. Узнаешь, как тебе крест поможет.

И меня повели. Один солдат впереди, двое сзади. Когда вывели из штаба, хотел оглянуться и натыкаюсь на штыки: «Не оборачиваться!». Завели меня в камеру, закрыли. Там песок мокрый. Здесь же и оправляются. Темнота, ни одного окошка. Ляжешь на песок, а он холодный. Здесь мысли пошли...«Видишь, как ты повел себя не хорошо. Надо было выполнить приказ». И думаю, что если б мне сейчас предложили снять крестик, и я бы его снял...

Проходит суток пять. Я не вижу света, не знаю, ночь или день. В окошечко, в двери, подадут ломтик хлеба и воды кружечку. Перед этим спрашивают: «Ты там еще жив?» На шестые, может, сутки, открывают дверь, выводят, свет как ударит в глаза, я слезами и залился. И шатаюсь от голода.

— Ну так что? — спрашивает командир полка.

— Снимешь крест?

И откуда у меня силы взялись?

— Нет, — говорю.

Сам удивился. Такие были прежде мысли и вдруг — другое.

Когда меня вынесли из камеры через 10 суток, тут была отправка на фронт. Комиссия за комиссией. Я никак не попадаю. Слышу по радио: наши войска форсировали Днепр. Вспомнил слова полковника: «Жаль, что ваша местность оккупирована. Мы б такое матери письмо написали, чтобы она порадовалась, как она тебя воспитала».

20 мая 1944 года всем делают уколы. Раньше было так: посмотрят на меня и скажут: «Тебе не надо». И вот подхожу я к комиссии и говорю, что с сорок первого года мне не назначали не одного укола. «Это было тогда, а сейчас другое», — отвечает врач. А кто сопротивляется, того хватают два солдата, держат его и укол под лопатку все равно делают. Ну, надо так надо. А наутро, после укола, у меня ноги отнялись. А я просился на фронт, со своими ребятами. Свыклись же. Врач злится:

— Мы что, в гости едем? Везти тебя на мясо, готового? Я напишу тебе направление на стационарное лечение. Поедешь на месяц домой.

Потом мне дали отсрочку на пол года, а после и совсем комиссовали. Так прошла моя служба. И все было по милосердию Божию. Не напрасно Господь говорит: «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф.10,19-20). У меня такое и было. Господь посылает нам свои милости для вразумления, чтоб мы не сомневались в том, что Он нас не оставил.

Когда меня от службы освободили, я опять пошел на баяне играть. Какой праздник — приходят, просят, а я уже в церковь хожу. И у меня мысль: «Боже, что мне делать? Я и сюда и туда. Должен решаться на что-то одно».

И вот снится мне ночью... Семь человек осталось нас от всей части. Снова на фронт. Нас сажают не в вагоны, а на паровоз — «кукушку». Я вцепился в ручку, а линия такая шаткая, ну так мотает, что паровоз вот-вот упадет. Буду, думаю, держатся до конца, хоть с паровозом упаду. Привозят нас, показывают: «Вот домик, вы там получите все новое». Заходим. В нем такая чистота, что я такой нигде и не видел. В углу кто-то сидит на

стуле. Смотрю, а у него волос меняется, становится все более седым. Я и говорю:

— Какой же ты воин? Тебе только сказали идти на фронт, а ты уже седеешь. Волос седой. А там что ты будешь делать?

И вдруг его голова покрылась сиянием.

Сияющая стала голова. Я падаю на колени и к нему:

— Прости меня, ради Христа! Господь на тебе такое чудо показывает, а я оскорбляю.

Только хотел его обнять, как сразу проснулся. Гляжу медленно в сторону святого уголка, идет икона Матери Божией вся в сиянии! Нет такого света в мире, что бы все просветил, и без теней. И нет ни одного предмета, что бы им не просветился. Свет ярче солнечных лучей, а на глаза не влияет. Даже влечет. Я как закричу:

— Честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим!

И мысль — больше я в клуб не пойду и на баяне играть не буду. Только в церковь буду ходить. Своим криком я разбудил маму, жену старшего брата. Они ко мне: «Что с тобой?» Мама шарит у печки, ищет спички, а я

думаю: «Зачем, что, они света не видят?» А сам заливаюсь слезами и твержу только одно:

— Честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим!

Лежу и плачу. Как гляну на икону и думаю: это же живой образ. И такая на душе благодать. Меня спрашивают: что ты плачешь? А я не могу сказать...

Прихожу в церковь, стал в уголочек за стеночкой, чтоб меня меньше было видно. Выходит батюшка после окончания службы и начинает проповедь...

— Какие, — говорит, — мы счастливые. Вот взять земную жизнь. Богатые люди имеют и нянечек, и слуг. Как они своих детей лелеят! А бедные — хоть у них и есть дети, но они ж не могут им такие условия создать. Воспитывают в скромном виде. Но мы счастливы тем, что у нас есть небесные покровители. Вот чем мы счастливы. А то — все преходящее. На бедных Господь смотрит, бедным Господь посылает свою помощь. А мы спим. А Матерь Божия — недремлющая. Весь мир хранит своими молитвами. О каждом бдит. Чтобы каждый православный христианин получил то, что уготовал

ему Господь. Но это если мы живем по-христиански. А если мы и туды и сюды, то мы ж ничего не получим. И Матерь Божия ходатайствует. А кто Она? — батюшка повернулся к иконостасу. — Честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим!

Я как заплачу. Он повторил те же слова, что и я, когда видел Матерь Божию. Все оглянулись на меня. Стоял, стоял, и не видно его было, а то — так рыдает. Батюшка взглянул в мою сторону и говорит:

— Вот чем мы счастливы, — и снова к иконе Божией Матери. — Вот кто за нас умоляет Своего Сына. Спасены мы будем через Нее. Не было бы у нас такой Ходатаицы — и не имели бы мы такого счастья. Счастливы мы тем, что за нас Матерь Божия молится. Потом я все рассказал батюшке. Он мне: — Бросай свои игрища, держись одного пути.

Приходили ко мне, просили поиграть, ну так, что берут под руки и уводят. Я, говорю, в клуб не зайду, поиграю возле. А сам думаю, какая разница? Что в клубе, что около, танцы-то и песни одни... И бросил баян совсем. В церкви стал помаленьку прислуживать...

КРАСНАЯ ТУШЬ

Господи, мир даждь нам Твой! И мы получили его. Сколько мы просили во время войны, и старые, и малые! Но долго ли у нас этот мир был? Восстали снова против Церкви Христовой.

У нас было шестьдесят соток церковной земли. Приехал уполномоченный и обрезал до десяти.

Разрешили нам, согласно закону, построить ограду. Правление колхоза заседало, лес достали. Когда заканчивалось возведение этой ограды, подъехал председатель колхоза. Нас там работало человек четырнадцать. Бесплатно. Осталось только арку поставить. Выбежали из его машины четыре работника и начали ограду ломать.

Строитель наш Фролов, из соседнего поселка,— к ним, и так смиренно спрашивает:

— Ребята, что вы делаете?

— Ломаем.

— А кто дал вам право?

Они указывают на председателя колхоза.

— У нас же документ есть.

Вмешался председатель, и с такой злобой:

— А я давал вам документ?!

— У нас же есть свыше, из области. Платили вам за распиловку леса. Все ж не самовольно.

Он еще сильнее разозлился:

— Сегодня же подгоню бульдозер и все сгорну в кучу. Вместе с церковью!

А мне и нужно было сказать:

— Смотри, чтоб тебя Господь не загорнул, как ты обещаешь такое сделать.

И так случилось, что его на второй день увезли парализованного в больницу.

Но безчинство продолжалось. Ночью к церкви подошли четверо, сорвали крючки, двери. Сторож убежал,

а строителя Фролова вытащили и стали бить. Он кричал: «Караул! Спасите!» Но кто услышит в ночи. Он бы их один всех побил, но ему как христианину, нельзя сражаться с ними. А они толкли его, как хотели. Потом эти бандиты вызвали милицию и на него составили акт. На церковного старосту тоже — что они, дескать, организовали провокацию: сломали ограду, избili человека, а на советскую власть пятно кладут. И обоих арестовали.

Утром я с жалобой еду из своего села Борисовка в Днепропетровск. Областной уполномоченный принял меня ласково, прочитал жалобу и говорит:

— У вас судебное дело. Приеду, сфотографируем, чтоб было доказательство.

На этом приезжаю домой. Ждем его день, другой. На четвертый — объявляется. И идет не к нам, а в контору. Старосту и Фролова привезли, уже освобожденных.

— А у кого документ, который я давал на строительство? В делах церковных или у вас? — спрашивает уполномоченный старосту.

— Я лично держу, — отвечает он.

— Вы можете показать?

— А зачем он вам?

— Ну, я хочу посмотреть, какого числа выдал.

— Так у вас же копия есть.

— Вы что, уполномоченному не доверяете?

При этих словах староста отдал документ.

— Теперь вы свободны,— говорит уполномоченный.

— Давайте ж документ.

— Он тебе уже не нужен.

И сложили на него еще такую вину: перегородил дорогу, трудящимся нельзя выехать на работу, занял колхозную землю и учинил разбой.

Мы пишем вторую жалобу, и я еду в Киев к республиканскому уполномоченному. Прочитал он и спрашивает:

— Так это ж банда?

— Как банда? Коммунисты...

— Такого права и коммунистам никто не давал.

Судить будем! Примите жалобу, — указывает он секретарю. — И дайте ему справку.

Когда выпроваживал, сказал: «Вам все восстановят». Пока я ездил, они там все переломали. Ограду побросали в кучу. На второй день еду в Днепропетровск к своему уполномоченному. Захожу. Он подвигает мне бумаги.

— Вот, подпиши, а потом будем разговаривать.

— Я приехал к вам не для того, чтобы ваши документы подписывать. В Киеве мне сказали, чтоб вы посмотрели вторую жалобу.

— Ах, так это ты наврал! Телефон трещит целыми днями!

— Телефон трещит, он добивается правды. А вас Господь поставил, чтоб вы не допустили на церковь беззакония.

— Меня не Бог ставил, а партия!

— Хоть и партия. Дай мне тот документ, я пойду к прокурору области.

— Уходи отсюда! — и кулаком о стол.

— Пока не отдадите документ, не уйду.

— Сейчас вызову милицию, она приведет тебя в порядок!

— Вызывайте, вот мы и будем знать, за что мы воевали. Староста с осколками в груди вернулся. Сын у него — армейский капитан. А у Фролова три сына были в рядах Красной Армии. А сам он в шахте работал, выполнял по несколько норм.

— Это враги народа! — кричит он.

А у меня был флакон туши, красной (остался в кармане после покраски лампад). Я его вынимаю и открываю. Он сидит в кресле, здоровый такой мужчина, с густой шевелюрой.

«За вашу правду, да благословит Господь», — и вылил ему на голову тушь, крестообразно. И она потекла. То он был от гнева красный, а тут побледнел, стал белый, как стена. Поднялся дрожа, с кресла и говорит:

— Николай, разве нам не можно было без этого решить?

— А вот теперь решайте, вызывайте милицию.

— Мне ж стыдно выйти...

Схватился за голову и — руки стали в «крови». Кто ж подумает, что это тушь! И до меня дотронулся, и мне попало на руку и на плечо, красное.

Бормочет что-то и стучит в стенку. Другой уполномоченный открыл дверь, как глянул:

— Что у него, нож или финка?

И захлопнул дверь.

Побежал к дежурным милиционерам.

Вскакивают двое, как глянули, один от порога кричит, испугано:

— Чем он его? Финкой или ножом?

И оба назад.

А мы стоим. Он стоит, и я стою. Перекрестился: «Вот будем знать, за что мы воевали». Милиционеры звонят в милицию:

— В сто девятом кабинете совершилось преступление! Человек истекает кровью.

Весь облизполком поднялся на ноги, от центрального входа до кабинета — в два ряда. Ожидают, чем кончится. Из милиции отвечают:

— Нет машины, не на чем приехать. Задержите преступника.

Приезжает «скорая». Заскакивает капитан милиции, высокого такого роста:

— Что у него? Финка или нож?!

Уполномоченный поднимает пустой флакон:

— Да вот, вылил мне на голову красную тушь.

Капитан:

— Немедленно в психиатрическую больницу!

Меня тут будто кто-то ударил, я упал.

Врач — сестрам:

— Дайте ему валерьянки... Нет, нашатырного спирта.

Дали нашатырного. Меня усадили на стул.

— Начто жалуетесь? — спрашивает врач с медицинской заботой.

— Мне жалко то, что люди защищали Родину, а он называет их врагами народа. Я не мог выдержать и облил его красной тушью.

Врач взглянул на уполномоченного:

— Пойдешь в баню, отмоешься и будь здоров.

— Почему красной? — спрашивает меня.

— Чтоб напомнить ему о крови. Сколько ее в войну пролилось. А тут как герой сидит, в кресле, ему уже и Церковь не нужна.

Медсестры взяли меня под руки и провели к «скорой». Работники облизполкома, которые стоят, переговариваются:

— Хулигана ведут. Уполномоченный истекает кровью.

Привозят меня в психиатрическую больницу. Главврач глянула на плечо:

— Это что, кровь?

Я рассказал, как было.

— Ну хорошо, будем вас лечить.

— Лечить меня нечего. Других лечите. А меня судить надо. Там все ясно будет.

Она так жалостно смотрит на меня:

— Ну что ж, какие есть у вас документы?

Я кладу на стол справочку от республиканского уполномоченного, письмо от Московской Патриархии. Наш Святейший Патриарх Алексей II был тогда ее секретарем. Она, как увидела это, заинтересовалась. Читает нашу жалобу, а слезы так и скатываются.

— Не волнуйтесь, Николай Федорович, правда победит.

— Спаси, Господи, что вы так говорите.

— Все будет хорошо, все будет хорошо, будем вас лечить, — и направляет меня в буйное отделение.

Месяц лежу в больнице, идет экспертиза. Взяли жидкость из позвоночника. Ноги и руки стали как тряпки. Неделю лежал вниз лицом.

— Мы делаем то, что нам приказано. Если бы вы пришли по своей воле, то мы бы вас слушали, — говорит лечащий врач.

— Николай Иванович, вы ж к помешанным меня поместили, сделали из меня сумасшедшего.

— Не волнуйтесь, через две недельки все восстановится. Только вам нельзя будет резких поворотов делать. И прыжков. В трамвай или автобус старайтесь не прыгать.

Дня через три заходит он как бы опечаленный.

— Ну что ж, Николай Федорович, никакой болезни у вас нет. Жалко мне. Вас будут судить.

— Я ж вам сразу говорил. Меня надо судить.

Привозят в милицейской будке в Никополь, в больницу. От Днепропетровска сто двадцать километров. Заводят меня в палату, где буйные. Они как закричат:

«Батюшка! Это мы болеем, что Богу не молимся».

По ночам приходят следователи, допрашивают. Третий, особенный издеватель:

— Мы у тебя все дома перевернули! — стучит пистолетом по столу. — Говори, какую связь имел с врагами народа?! Булганину, Маленкову писал?!

— Я их знал как руководителей страны. А если Хрущев таким же окажется, при чем здесь я? Я и Хрущеву писал.

Сажают меня в камеру уголовников. Там от одного страха можно умереть. Кругом все в железе, в цепях.

После следователей за меня взялся прокурор. Но разговаривал мягче. Получен был ответ от Хрущева.

— В чем ты нуждаешься? Можем помочь.

Я перекрестился:

— Сейчас Рождественский пост. Дайте указание, чтоб мне давали постную пищу.

Он тут же вызывает начальника охраны:

— Запишите до какого времени он не будет принимать общую пищу.

— До Рождества Христова, — говорю.

И мне стали носить: цыбульку, пюре с постным маслом, огурчики, чай. Так сокамерники мне завидовали: «Что это, тебя отдельно кормят, а нам всякую бурду дают». После всего этого — суд. Уполномоченный из области просит:

— Осудите его так, чтобы он больше не вернулся.

И секретарь райисполкома также.

— Вы что-нибудь к ним имеете? — спрашивает меня судья.

— Имею. Вот мы перед судом. И должны говорить только правду. Скажите суду те слова, которые вы говорили, давая нам документ.

— Я жалею, что выдал его, — недовольно отвечает уполномоченный.

— Нет, вы скажите суду, что вы тогда говорили. И чью вы потом исполнили волю.

Он — за прежнее. Я перекрестился.

— Я не достоин вам говорить, но Сам Господь скажет, чью вы исполнили волю. Откройте Евангелие от Иоанна Богослова, восьмую главу и читайте: стих сорок третий и дальше.

А я сам не знал, что там написано. Пришло в голо-

ву, и все.

— Что ты нас учишь?! — возмутился судья. — Мы сами знаем!

— Вы знаете, так он не знает.

Судья тоже не знал. А там написано...

«Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего.

Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи. А как Я истину говорю, то не верите Мне. Кто из вас обличит Меня в неправде? Если же Я говорю истину, почему вы не верите Мне?

Кто от Бога, тот слушает слова Божии. Вы потому не слушаете, что вы не от Бога».

Приговор суда был такой: две с половиной тысячи рублей уплатить уполномоченному за порчу костюма и рубашки, полторы — за мебель, и пять лет тюремного заключения.

Привезли в тюрьму, начали проверять, чтоб ка-

кой шпильки или иголки не было. А на мне крестик и два образка на веревочке, Матерь Божия и Святитель Николай. Охранник — раз! — и обрезал. Я возмутился.

Они:

— Металл, металл!

— Крестик — металл?! И Матерь Божия и Святитель Николай — металл?!

И отказался от пищи. Приносят сорок порций, в окошко подают, одна остается. «Кто не получил?» А кто ж будет отвечать? Проходит день, два, четыре. На пятый день заходит дежурный в камеру и вызывает по списку. Доходит очередь до меня.

— Я не буду получать.

— А-а, так вон кто отказался! Почему?

— Раз у меня крестик отобрали, Матерь Божию и моего Небесного Покровителя Святителя Николая, то для чего же жить?

Меня сразу до врачей. Они установили: истощение организма. Я уже шатался и сердце стало плохо работать. Спрашивают:

— И как вы дальше думаете быть?

— Пока не отдадут, хоть умру, а кушать не буду.

Через час приходит начальник тюрьмы и подает отобранное:

— На, носи и принимай пищу.

Все так удивились: ярый коммунист, такой злой начальник, — и сам принес. Может, любопытство заело или что. Да наказал охране: кто придет к нему, свидание давайте, принимайте все передачи.

Мне приходили посылки из Киева и других мест, положено две в месяц, а мне пришли сразу две, а через недельку еще четыре. Вызывает начальник:

— Почему ты не сообщишь тем, кто посылает посылки, сколько тебе положено?!

— А я разве знаю, откуда и кто посылает? У меня мама есть, так и одной посылки собрать не может. И хата такая, что вот-вот завалится.

Продукты мне посылали по благословению моего духовного отца Серафима Тяпочкина.

Проходило время. Я написал два письма. Патриарху и Хрущеву.

В письмах слово «коммунисты» переправил по фа-

милли. Через несколько месяцев вызывают: «Ты правильно написал». Хрущев, слышим, в Америке, ботинком стучит по трибуне. С Москвы приезжает в лагерь комиссия. Нас там тысяча девятьсот человек и многих освобождают: «Мы не смотрим на ваши преступления, а надеемся на ваше исправление».

И меня выпускают. Не вздумай, говорят, еще хлопотать. Я перекрестился: «Слава Богу, что Господь послал такую комиссию».

Председатель как закричит:

— Чтоб мы не слышали о Боге! А то сгниешь здесь!

Благодари комиссию!

А у меня само собой получается:

— Слава Богу...

— Опять?!

— Ну и комиссии спасибо.

А что я скажу?

НЕ УМРУ, НО ЖИВ БУДУ

Когда я был в заключении, один батюшка мне сказал: «Ты доживешь до тех времен, когда детям будут преподавать Закон Божий. И это будут богоугодные дети». Какая была кончина, гонение на христиан, Господь вернул. Но как зайду в церковь и услышу: «Не умру, но жив буду...», — так сердце затрепещет. Откуда взялись у меня эти слова в смертные минуты, кто вложил их в мои уста?..

Сколько раз я был у смерти... В Киеве меня уж поднимали. На смертном одре пять месяцев лежал. А как раз Петров пост был. В восьмидесятом году. Хотели в больницу положить. А у нас в церкви регентом была

медсестра. «Катя, побезпокойся, чтоб меня не брали в больницу», — попросил я ее. Она переговорила с главным, и мне все делали надому.

По шесть уколов в день и вливания разные. А только ж предлагали бульончик куриный, масличко, яичко, — в пост. Я отказывался.

— Чем же вы будете питаться? — спрашивает лечащий врач, Евдокия.

— А разве человек живет только этой пищей? Господь дает ему ту пищу и в то время, которое необходимо организму.

Евдокия сказала об этом отцу Никону. Он пришел и так строго спрашивает:

— Ты больной. Почему не подчиняешься врачам?

— Я все выполняю, что нужно.

— А вот они тебе пищу назначают для поддержания здоровья.

— А вы помните, как Иоанн Кронштадтский попал в больницу, в пост. Ему также предлагали, а он отвечал: я маме напишу, как мама скажет. «А что твоя мама врач?» — спрашивает его доктор. «Нет, но я слушаю

маму». И мать присылает письмо: «сынок, лучше умереть, но поста не нарушать». Прочитал это письмо и доктор. И так возмутился!.. «Разве это мать?! Из-за ложки бульона лучше умереть?! Что ты ей подчиняешься!?» — «А я слушаю маму», — смиренно отвечал Кронштадтский. И получил исцеление. Они ему еще ничего и не делали. Так врач, видя такую силу, сам уверовал в Бога. А вот вы меня заставляете, отец Никон. Какой бы я ни был негодный, но Господь же допустил, что я у Его престола стою дьяконом. И если мы, Его служащие, будем нарушать пост, то кто ж его будет исполнять?

— Больному разрешается.

— Где такое написано?

Тогда отец Никон подсел ко мне на кроватку, дотронулся до моего плеча и говорит:

— Молодец, что ты так твердо поставил. Скоромяная пища в пост только для неверующих. Господь даст тебе силы.

Меня причастили, соборовали. И после этого появился аппетит.

Приходит лечащий врач и спрашивает:

— А чем можно заменить курочку?

— Рыбой карп.

— Тогда кушайте эту рыбку.

У меня было много знакомых матушек, и они стали возить мне эту рыбку. И пошло выздоровление. На пятом месяце, стал ходить. Прихожу в церковь и встречаю лечащего врача, Евдокию. Она положила руку на мое плечо, смотрит на меня и слезки у нее текут:

— Николай Федорович, простите меня, я думала, что вы не будете жить. Значит, не от одной пищи дает нам Господь силы? — Конечно же, я видела, какой вы были...

Еще был у меня смертный час... Как рассказываю, самому не верится, а другому и подавно. Поехал я в поселок Марганец. Батюшка благословил договориться об угле. Церковь отапливать, дом священника. Возвращаюсь обратно. На велосипеде. Вдруг несется вихрь страшный. Темень, нечего не видно. А я по аллежке еду. И он меня захватил и поднял. По нашему рассуждению вихрь мог меня закрутить, и я бы упал. А меня понесло. Я как сидел на велосипеде, нога на тормозе, и в вих-

ре так сию. Для человеческого ума это непостижимо. И вот пронесит он через пахоту, метров на триста. А за пахотой старые заброшенные шахты с обвалами. Такие груды пешком не пройдешь. И бросил меня этот вихрь в ров. А там щель.

Ну, конец, думаю. А велосипед стоит, как вкопанный. Земля под ним понемногу обваливается и обваливается. Голова моя в эту щель опускается. А шахта глубиной метров семьдесят. У меня только одна мысль: смерть пришла...

Кто ж будет знать, что я тут? Я ж пообещал приехать. Одна Матерь Божия ведает, одна Она может мне помочь. Как только мелькнуло это в голове. Земля вдруг заколыхалась. Ну так вот, когда гром гремит, и земля аж дрожит. А переднее колесо все ниже и ниже опускается. Земля осыпается все больше и больше, но велосипед стоит. И вдруг слышу быстрый топот лошадей. Этот мужчина, который при лошадях был, потом говорил, что они так летели, что уму непостижимо. А были они от той шахты, где я, километра за четыре. И сравнившись с нею, остановились как вкопанные. Головы повернули в

мою сторону, храпят и копытами землю гребут.

Возчик подбежал ко мне, схватился за руль, а велосипед — раз! — и тронулся вниз в щель. Он как закричит: «Мы оба погибнем!» Я говорю: «Вы бросайте велосипед, хватайте меня за плащ». Он меня и вытащил. А велосипед дальше не пошел. Как уперся в стену, так и остался. Но я лицо свое со стороны не вижу, а мужчину вижу. Он до того испугался, что его лицо стало желтое, как у покойника. Придя в себя, спрашивает:

— Как ты сюда попал?

— Я ехал по той аллеюшке, — показываю.

— А здесь как оказался?

— Вихрь налетел.

— Какой вихрь?

— Такой вихрь.

— Никогда б не поверил, этого ж не может быть.

Поставь велосипед, и он вмиг упадет. А тут человек на нем висит, а он стоит. Я пятнадцать лет езжу на этих лошадях. Они ничего не боятся. Ни машин, никого. Вон, видишь, они там стоят. Кто-нибудь захотел бы на них поехать, они не пойдут. Такие послушные мне.

А тут загрузился я продуктами, отвез в магазин и еду обратно на склад. Вдруг они как встрепенулись и понесли, выскочили за город. Я как ни тяну, лошади не слушаются...

А у меня сразу такая мысль появилась: видишь, какая Матерь Божия, нашла помощника, спасла меня от неминуемой смерти. Коленку только сильно ушиб. Пойду думаю, к бабушке Евдокии. Она много лет лежала парализованная. На деревянной кушеточке, покрытой самотканой дорожкой. Она имела такой дар, помолившись, положит свою ручку на больное место, проведет ею раза три и боль утихнет.

Она самого Иоанна Кронштадтского знала. А было так...

Когда вышла замуж, стала просить мужа: «Хочу поехать к батюшке Иоанну Кронштадтскому...» — «А что ж ты не ехала, когда замужем не была?» — «У меня тогда и мыслей таких не было» — «Кто ж будет работать? Ну ладно, спросим родителей».

Родители отпустили на неделю. И вот приехала я в

Кронштадт, а там не то что в церковь, а в ограду, где он служит, не пробьешься.

Взошла я кое-как на паперть, а дальше никак не протиснусь. А батюшка с крестом стоит и говорит проповедь. Приподнялась я на цыпочках, и глянула на него, а он тут и говорит: «Раба Божия Евдокия, а ну-ка подойди ко мне». Я думаю, что он кого-то другого зовет. Когда нет. «Пропустите», — говорит людям и показывает на меня. Я в слезы — милость какая. Благословил меня, а после службы взял к себе. Я рассказала про семью, как живем. А жили мы до революции богато, по-деревенски. Он и говорит: «Вы очень не убивайтесь богатство наживать. Отберут все». И мне: «А ты без благословения не уезжай». Проходит неделька, прихожу: «Батюшка, благословите». А он: «Господь не благословляет. Как же я тебя благословлю?» А у меня сердце болит, домой надо возвращаться. Проходит еще неделя, он снова: «Господь не благословляет». Я взяла и уехала. Дома сижу, переживаю, день и ночь плачу. А муж говорит: «Что ж ты ездила, думал, какую радость привезешь, а ты все время плачешь» — «Он

же не благословил меня уезжать» — «Ну, тогда, назад поехали».

Встретились с бабушкой он и говорит: «Вот что твои слезы сделали, муж-то твой никогда бы у меня не был». И опять наказал: «Будут забирать, — не спорьте. Это все Божий Промысел. Слишком к земному прилепились. А о душе кто будет думать?»

Муж после встречи с бабушкой переменялся. То и в праздники работали, а тут — нет. И в церковь стал ходить. Дружнее зажили...

... И вот, иду я к этой Евдокии. Только открыл дверь, она как закричит, голос такой детский:

— Чадо мое! Где ж ты был?

— Ездил в Марганец.

Сидят с нею муж ее и две женщины.

— Не, не... Ты до меня не собирался.

И говорит им, его хотела смерть похитить, а Матерь Божия, послала ему человека.

Когда я все рассказал, они расплакались.

Муж ее больше всех:

— Как же ты с нами разговариваешь, когда такое

чудо произошло...

Спрашиваю Евдокию:

— А как же вы знаете?

Она отвечает:

— А мне эти стены видеть не мешают.

Господь послал испытание и милость, и не только для меня. Разве мы ожидаем, где настигнет нас смерть? И в третий раз злые духи хотели меня погубить... За что, не знаю. Прямо на постели.

Это случилось ранней весной. Еще снег лежал.

А до этого ко мне приходил соседский сын. Мы с его отцом в лагере были. В Персии с ним служили.

— Дядя Коля, дайте мне крестик, — просит его сын.

— А какую молитву ты знаешь?

— Никакой.

Я то надеялся, что он знает хоть что-нибудь. Человека видно, с какой целью просит. Он, чтобы похвастать, какой у него красивый крестик. Многие же говорят: если бы золотой крестик, то я бы носил. А простой — не хочу. Но не в этом же дело. Крестик — сила. Если мы

его носим, то мы надеемся, что у нас есть оружие против злых сил, непобедимое.

А я как раз привез из Почаева крестики, они были под золото сделаны. Показал ему.

— О, дядя Коля, это хорошие крестики.

— Креститься умеешь? — спрашиваю.

— Я некрещеный.

— Тогда я крестик тебе не дам.

И в этот же день, шестого марта, я снег чистил вокруг хаты. Приморился немного, даже температура подскочила. Вышел вечером на улицу посмотреть, как ведет себя вода. А их дом прямо напротив. Там стояла группа парней, человек шесть. Смотрю, двое отделяются, идут к моей хате. Но как увидели меня (там у дороги лампа электрическая горела), сразу назад. Ну, я подумал, что может быть, через двор хотели пройти или еще что. Я же вижу кто они. Соседский сын и друг его приезжий, женатый.

Я захожу в сени, и закрываюсь на крючек. Если б я знал беду, можно было бы на замки взять. Лег. И начал молитвы читать. Потихоньку и про себя. Никого рядом

нет. Анна Кузьминична, та женщина, которая ухаживает за мной по благословению бабушки, поехала в Запорожье пенсию получать.

Продолжаю тихонько читать молитву.

Слышу, дверь открывается. И тут я почувствовал какую-то тяжелую злобную силу. Я стал читать громче:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.

Вижу их двоих у дверей. Сына соседского и того приезжего. Я стал читать еще громче, а они в ответ:

— Сейчас помилует...

Приезжий направил на меня фонарик (в комнате одна лампочка горела) и схватил за горло. Потом ударил чем-то тяжелым по голове. А сосед — в зубы, аж кости затрещали. Я залился кровью. Они взялись за волосы, стянули с постели и били головой об пол, топтали ногами. Все сбили.

Уму человеческому непостижимо, чтобы после этого еще остаться живым. Я сам себе до сих пор не верю. А Господь наш Создатель, сотворил чудо — обновил меня.

Издевались они надо мной, как хотели. Все молча.

Господь не отнимал у меня чувств телесных и умственных. Я ни на одну секундочку не терял сознания. Все слышал и чувствовал. Как схватили, руки закрутили назад, — косточки затрещали. И стянули их так, что у меня потом долго-долго рубцы не проходили. И по всему телу была запечена кровь.

А с головой-то что... С двух сторон футболили. Когда она стала, как тряпка, остановились и опять слышу их слова:

— Уже помиловал.

Значит, конец.

А я еще жив. Однако, передохнув, они снова взялись за свою кровавую работу. Приезжий два раза всадил в грудь нож, но сердце не задел. А после этого горло стали перерезать.

И вдруг слышу такой визг от ножа, которого ни на заводе, нигде не слышал. Нож стал скрежетать так, как будто ему подставили штык. Аж пищит. Вот тут, откуда-то, являются мне слова: «Не умру, но жив буду...» Не телесно, а духовно они появились.

Закончив свои ножевые работы, они ударили меня

в висок чем-то тяжелым, и голова прилипла к полу. Конец был страшным. Такая адская боль была. И эта боль будто вырвала меня из живого. Моя душа понеслась вниз с такой быстротой, что такой скорости на земле нет. Ни самолет, ни пуля сравниться не могут.

Мне казалось, что я лечу в предверие ада уже годы, десятки лет, а конца все нет. Душевыми очами вижу какие-то неразличимые предметы или камни. Тьма непроницаемая. Мысль бьется: где же остановка?..

Вдруг, открывается свет. С нашим — он несравним.

Я и чувствую, что я уже несусь на крыльях.

Бездна подо мною, страшная и величественная. Страх невыносимый и необъяснимый. Душа трепещет, будто мне и возврата нет. Потом из этого света выделяется огонек. Здесь у нас, если свечка горит против солнца, ее пламени не видно, а там видно. И с большой быстротой этот огонек летит на меня...

И только он коснулся меня, я взмолился:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного.

И умолял так как дитя кричит чтоб ему мама помог-

ла. Так и моя душа кричала.

Тут я ощутил, что направляюсь вверх, но уже не с такой скоростью, как летел вниз. Не стало и шума. Ну, как орел, который не машет крыльями, а парит.

Долго так было. Где нахожусь, куда поднимаюсь, не знаю.

Через какое-то время, я с молитовкой явился в дом, к телу своему бездыханному. Парил, парил над ним и опустился до него вниз.

Оно такое мерзлое. Часов шесть прошло, как я потом узнал. И вот так, через молитву «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного» вливалась в меня жизнь, душа входила как во льдину. Все заholоло у меня. Пальцы не шевелятся. Боль страшная. Я кричал от нее. А там никаких болей не чувствовал. Один страх.

Когда полностью вошел в тело, слышу, они еще работают. Все перевернули. Где какие узелочки были поразвязаны, снимали иконы, отрывали от них досточки. Золото искали. И во времянке, в сарае.

Я лежу связанный, и руки, и ноги. Голова обвязана

полотенцем, чтоб крика не было слышно. Они ворочают чемоданы, книги, с которыми я приехал из Киева.

Дверь брошена открытой, холодно.

И вот только они ушли, чувствую, что надо мной какая-то невидимая сила трудится. Я ж был заброшен одеждой, матрасом, досками. Чтоб меня не видно было.

И первыми были освобождены ноги. Чувствовал, как развязывались и руки, узлы на груди. Пальцы на руках стали понемногу двигаться.

А холод морозный как на улице. Дверь надо закрыть. Хотел приподняться, падаю. Тогда начал перекатываться. С Божией помощью спички попались на полу. Кое-как засветил, посмотрел на часы: без двадцати четыре. Встать хоть на колени, не могу, но дверь прикрыл. Считал, что до утра скончаюсь. И мысль такая: не дай Господи, чтобы кто-нибудь пришел, в такой ужас, соседка или кто другой.

А в Запорожье Анна Кузьминична встает утром и говорит сестре:

— Я иду на электричку, с Николаем что-то случилось.

— Да ты пенсию получи и поезжай.

— Нет, мне надо сейчас.

Часов в двенадцать она приехала. Только вошла в коридор, ее такой страх охватил, какого она никогда в жизни не испытывала. А когда открыла дверь в хату, как закричит!..

Я на полу валяюсь, у меня никакого движения. Но Господь ее вразумил. Она подошла ко мне. Я пальцами показываю: надо все убрать. А там столько крови было!..

После уборки, как уложила меня, вышла она во двор и видела, как убийцы один раз прошли мимо нашего дома, другой раз. Дежурили. Похороны будут или что?..

Отец его приходит на работу и говорит:

— Вы не слышали? Николая связали, порезали.

Сын-то добычу домой принес. Откуда бы отец знал? Мы-то скрыть хотели, а он не выдержал.

Ну, чем только меня не лечили. Тело ж все распухло. Челюсть на плече висит. Раны на груди, горло порезано, зубы повыбиты, рот не открывается. Пять суток в организме ничто не работало.

Анна Кузьминична по чайной ложечке почаяевской

водички вливала. Или намочит платочек в настое из березовых почек и прикладывала к ранам.

И в течение месяца или более, Господь понемножечку потихонечку исцелял, обновлял силы, возвращал к жизни.

Через некоторое время начальник милиции приезжал, спрашивал:

— Сколько денег было?

— Около тысячи.

— А ты знал кто?

— Если б не знал, они бы не убивали. Я все слышал. У меня мысли и чувства не терялись. И как туда, в преисподнюю пошел, слух был. Но как только дошел до слов «Не умру, но жив буду и повем дела Господни», в обратный путь отправлен был.

— А ну повтори, — попросил он. И сам раза два повторил.

— «Повем» что значит?

— Поведаю. И поведаю дела Господни.

У начальника милиции все было точно записано, по часам.

— Откуда вы узнали? — спрашиваю.

— Звонок был. Почему заявление не подаете?

— Господь Сам управит. Лучше нас.

На этом и расстались.

А на страстной седмице Великого поста пришел ко мне священник. Причастил. Я мог уже шепотом говорить. Челюсть встала на место.

— Молодец, — говорит, — что ты не стал ничего возбуждать. Теперь, сколько они будут жить, столько и будут мучиться.

А потом этого убийцу, сына соседского, на чем-то другом поймали. Не миновал тюрьмы.

ДОМ

У нас дом валился. Уже так стены погнулись, что я рукой доставал потолок. Все прогнило. И вот, мой духовный отец Серафим Тяпочкин благословил строить новый дом. Когда закончили строительство, пригласили священника — освятить его. Он и говорит:

— Ты напиши, кто тут строил, чтоб на молебне упомянуть.

Написали семьдесят душ. Одни уезжали, другие приезжали. Насчиталось семьдесят. Еще при строительстве приехала одна женщина с Никополя, раба Божия. Она много страдала. Спрашивает:

— А где ж хозяин?

— Там, в середине, — отвечают ей.

Она вошла и заплакала:

— Как бы я хотела здесь поучаствовать, но я немощная. Так хоть лепточку примите.

И дала сто рублей. А в то время деньги были еще в цене. Я в месяц получал двадцать рублей.

И дальше она говорит, что этим строительством правит Сама Матерь Божия. Откуда она это взяла, не знаю.

И было такое... Первым на стройку пришел послушник Почаевской Лавры. Он в Лавре просфоры пек и сказал:

— Я буду помогать до тех пор, пока трубу поставлю.

Ну и вот, поставил. Труба стоит, а внутри ничего нет, никакой топки, и уехал он не в Почаевскую Лавру, а в Псково-Печерский монастырь. Там, у ворот, ему встречается старец и говорит (а послушник еще и слова не сказал):

— Ворочайся назад. И пока иконы не будут поставлены, помогай. А просфоры и без тебя пекут.

Когда мы с ним установили все иконы, он рассказывает такой сон... Являются какие-то представительные люди, но не земные. И не дают мне, чтоб я посмотрел на их лица. А между собой говорят, что надо тех людей, что трудились на стройке, как-то наградить. И не поворачиваясь, спрашивают меня:

— У кого эти люди записаны?

— У меня — ничего. Это у хозяина может быть, — отвечаю я.

— А хозяин где?

— В Запорожье.

— Надо, чтобы записали этих людей.

На этом сон оборвался.

А ведь тогда о записи и речи не было.

К концу строительства приехал председатель колхоза. Мы тогда ставили крышу и на круге из дерева, над входной дверью прибили маленький крестик. Он его увидел:

— Что это ты поставил?

— Крест.

— Сними, дети идут в школу и им говорят, что

Николай строит церковь. Так чтобы не было этих разговоров, крест сними.

— Нет. Крест я не сниму.

— Что это значит?! Что ты поставил крест?

— Крест — хранитель всей Вселенной. И нашего дома.

Тут он немножко поутих. Но снова:

— А можно чем-то его заменить? Чтоб не крест, а голубь там был.

— И голубю место будет.

— Голубь несет мир.

— Да, голубем изображается Дух Святой. И ему место будет. Голубю.

— Нет, ты все-таки крест сними.

Я уже не отвечаю.

— Ну, ну, ну, неужели нельзя его чем-то заменить?

— Нет. Крест есть крест. Голубь есть голубь.

Он уже яро:

— Что это такое?! Ты не подчиняешься власти?!

— Но это же дом собственный, а не государственный, и вы не имеете права указывать. Да крестик-то не-

заметный, что вы к нему приглядываетесь?

— Заметный, заметный...

И перешел на другое. Рабочих спрашивает:

— Сколько он вам платит?

— Он ничего нам не платит, — отвечают ему. —

Он служит в церкви, и мы ему помогаем. А они и продукты привозили на стройку. Он так пристально посмотрел на них и говорит:

— Ну, я благодарен вам, что вы имеете такое сожаление.

У машины он опять оглянулся:

— Что ты мне голову дуришь? Заметный, а хотелось бы, чтоб дети его не видели.

Это вместо того, чтоб учить малых Закону Божьему!

И закончу рассказ о доме своим сном...

Приезжаю с Запорожья, выхожу на остановке с автобуса. Смотрю, идут люди, по двое. И ни на кого никакого внимания. Идут по улице, идут, идут. И я увидел своего отца. (Когда ж он умер? Еще в тридцать четвертом.) Он тоже на меня никакого внимания. И никуда вообще. И тогда я понял, что люди эти покойники. Чтоб

они поворачивались, что-то рассматривали — нет. Идут цепочкой, ей ни конца, ни края, по прямой в своем направлении. Откуда эти люди идут? Куда? И по двое. Два, два, два. Рядышком. Смотрю, мама идет. (Она в семидесятом скончалась.) Я за ней. Поравнялся. Но она меня не замечает. Я ее не трогаю, боюсь потревожить. И тут они поворачивают к нашему дому. Мама переступает порог и перед нею икона Божией Матери. Она твердо делает крест и кланяется, низко-низко. И такие слова: «Как мы просили Матерь Божию, чтобы Она помогла этот уголок закончить...» Второй раз и третий, аж со слезами: «О, как мы просили Матерь Божию, чтобы Она помогла этот уголок закончить».

И этих людей в доме было уже полно.

ВЫБОР

После войны снова началось гонение на Церковь. Особенно при Хрущеве. Так вот, девочка работала в райисполкоме секретарем, а мать ее была верующей.

Председатель райисполкома и говорит:

— Если твоя мать будет ходить в церковь, мы тебя с работы снимем, ты должна свою мать перевоспитать.

Дочь приходит с работы и рассказывает: вот так и так. Выбери. Если ты будешь ходить в церковь, значит ты — не моя мама. Я этой работы лишиться не хочу.

Как такое матери слышать? Но, «скрепя» сердце, согласилась. В церковь не ходит, а записочки передает, и за нее подают, свечки ставят. Она только переживает

за дочь и плачет, что в церковь не может пойти. А материнская слезная молитва — сильная молитва. Перед Богом. Она пробивает небо и восходит вздыхающая мать со своей просьбой.

Вдруг дочь заболела. Куда ее не возили, каких только врачей не приглашали, а она все тает и тает. Врачи выписали ее из больницы домой как безнадежную. Она уже на смертном одре. Мать говорит:

— Я позову священника.

— Мне священника не надо, — слабеньким, но твердым голоском отвечает дочь.

— Но ты ведь уже... — и мать в слезы.

— Ну и что?!

Полностью Бога отрицала. Но Господь не оставил материнскую молитву без внимания. Дочери снится такое... Она умерла и видит свой труп. Как же так? А я живая, а мой труп лежит? Слышу, как все по мне плачут. Но я к кому не обращусь, меня не слышат. Приносят тело до могилки. А куда ж мне деваться? В ум не возьму: человека хоронят, а я живая. До каждого подойду, вижу и слышу, мать плачет, подружки, а они меня не за-

мечают. Как будто меня и нет. Так страшно было и обидно. А потом смотрю, по кладбищу идет седой человек в белом фартуке (епитрахили). Постучит в могилку, а от туда голос отзывается, из-под земли и подходит сюда. Я тогда его спрашиваю:

— Дедушка, а кто там живет под землей?

— Это мои люди.

— Какие ваши?

— Те, что ходили в церковь.

— А как же я? Я ведь живая, а меня хоронят. Куда ж мне деваться?

— Ты еще вернешься для покаяния, тебя не похоронят. Господь возвращает тебя по материнской молитве. Не бойся.

— Так я ж партийная?

— Ну что ж, что партийная. А покаешься. У Господа для всех есть милость, кто к Нему обратится. И ты получишь прощение.

Как проснулась доченька и сразу:

— Мама, приведи мне священника.

А сама уже была не годная к жизни. Совсем ссохла.

Только что душа была жива.

Мать бегом за священником, дочь ему все рассказала. Исповедалась, покаялась. И стала после этого поправляться. Когда выздоровела, пошла в райисполком и отнесла свой партийный билет:

— Возьмите его. А я буду ходить в церковь. И мама тоже.

ЗАЩИТА ЦЕРКВИ

Покойный батюшка нашей церкви Николай говорил: «Кто не защищает Церковь, тот и не ее сын». Как же, если ты слышишь, что твоих родителей кто-то поносит, а ты будешь молчать? Ты ж не выдержишь. А за Церковь тем более.

У нас в селе председателем колхоза был такой жестокий коммунист... Как он ненавидел Церковь! Разорил нашу церковь до фундамента. А с фундамента брали кирпичи и строили свинарники. Да как же Господь будет терпеть? Он послал войну. Наши правители бежали. От страха, от смерти. И по смерти у них что?

Пришли немцы. Им никто не подсказывал. А они нашли этого председателя, приковали его цепями до дерева и запретили к нему подходить. А его помощника заставили копать яму. Он выкопал. Председателю команда: «Ложись!» И закопали живьем. Вот отмщение. В нашей жизни. Чтоб мы познали и этот дом.

Но враг затемняет наши умы.

Другой случай. В пяти километрах от нас в селе Дмитровка, обновилась икона Божией Матери. Люди стали к ней сходить. Акафисты, молитвы читали, свечи ставили. Дошло до председателя колхоза, такого же яркого коммуниста. Приезжает, на тачанке. А народу полон двор.

— Что вы тут собрались?!

Его мучает, что люди прославляют Бога.

Молятся, верят. Ему говорят:

— А вы посмотрите какая икона.

Он зашел в хату. Хозяйка показала на тот уголок, который остался необновленным. Как бы для свидетельства.

Председатель побагровел и в ярости вытащил нож:

— Если она сравняется, я поверю.

И провел по лику ножом, срезал старую краску. Его тут же поразило и он упал как скошенный с ног и кричит:

— Спасите меня! Спасите! Верьте, Бог есть, но мне уже поздно, поздно каяться.

Его положили на тачанку и повезли в Никополь, в больницу. От его воплей всем больным и врачам было страшно. К утру он скончался.

ОТ НЕГО АНГЕЛ НЕ ОТХОДИТ

Расскажу об одной такой встрече. С простым чертежником, при строительстве моста через Днепр, — Николаем.

Он приходил к нам в Борисовку, в церковь. Отец Николай как глянул на него и спрашивает нас:

— Откуда этот юноша? Он великий человек, прозорливый.

Пошли мы как-то с ним до бабушки Евдокии, которая встречалась с Иоанном Кронштадтским. Побыли у нее немного. Когда он вышел, она мне говорит:

— Сколько ко мне приходило людей... Но таких еще не было. От него ангел не отходит. Но он ничем не

выдавал себя. В тайне совершал молитвы, делал все так, чтобы никто ничего не знал и не видел. У Господа все учтено. Кому какой путь дать.

Однажды Николай пригласил меня поехать с ним в Киев. А у меня не было никаких документов. Одна справка красноармейская.

— Ты не о чем не беспокойся. За билеты я заплачу. Только твое согласие.

Как же я не согласен? Поехать в такую святыню, в Киевскую Лавру! Я там еще не бывал. «Но отпустит ли отец Николай?» — подумал я.

— Он тормозить не будет, — заверил Николай.

Но без документов ехать опасно. Такое было время. Иду к бабушке Евдокии. Она сразу: Мать Божия благословляет. Только сходи до Аннушки, она выше меня.

От такой скромности я удивился, но раз сказано, значит надо делать. А прийти к ней надо потемну, чтоб соседи не видели. Власти взяли с Аннушки подписку, чтоб она никого не принимала. До нее около восемнадцати километров. Шел один, ночью. И никакого страха. Часа в три утра добрался. Постучался, собачка гавк-

нула. Слышу голос матери Аннушки, вроде причитающий: «О, Боже, что ж это такое...» И голос Аннушки: «Мама, открывайте, это Николай». Я зашел, они обе плачут. С вечера приезжала милиция с района, все перерыли. Говорили: «Кто-то у вас есть!»

Спрашиваю ее о своей поездке без паспорта. А она:

— Вот наш паспорт, — и показывает на Крест. — Господь благословляет твою поездку. Только сходи до Евдокии, она и старше, и выше меня.

Теми же словами, что и Евдокия. Внутри-то я опять удивился.

Приезжаем с Николаем в Киев, подходим до пещер. Там стоит милиционер и проверяет документы. А я два чемодана несу. И говорю Николаю:

— Как быть?

— Иди, не бойся.

И в тот момент как нам проходить, милиционер отвлекся к какой-то женщине, и мы прошли. Целую неделю мы были в Лавре, и никто у нас документы не проверял. До сих пор помню проповедь митрополита Иоанна:

« ... Я с шести лет тут. Здесь закончил семинарию, академию... И что мне дало это учение? Гордость. Я горжусь, что я такой ученый. А кто мне дал веру? Святые отцы, которые здесь лежат. Вот кто дал мне веру. Без их благословения никогда я не начинаю службу. Многие собираются сюда. У них и средства есть, и жажда поклонится мощам. Это ж не так, что человек надумал и приехал. А кого Матерь Божия благословляет. У других и денег нет, а они приедут».

Я аж заплакал, будто он про меня.

После поездки Николай приехал к нам на храмовой праздник. Я пригласил его после службы домой, показал фотографии.

— Сколько людей и только один с чистым сердцем,
— показал он на моего друга.

Он был командиром полка «Катюш». При взятии Кривого Рога получил девять ранений. Посмертно присвоили звание Героя Советского Союза. А он оказался жив. Золотую звезду замотали, а орден Александра Невского он получил. Наград у него было много.

— Где он сейчас? — спрашивает Николай.

— В Москве. В Правительстве.

— Ему там не место. Господь выведет его оттуда.

Так оно и оказалось. Работал потом в торге. А он жалостливый был и добрый. Помогал продуктами голодным детям, больным. А тут ревизия налетела. Осудили на восемь лет тюремного заключения. Лишили всех наград. Присылал мне из тюрьмы письма. В них писал, что ни на кого не обижается. Хорошо, что так случилось, и что он вышел из партии. Вот Николай его одного из всех фотографий и увидел.

ЧУДОВИЩЕ

В школу я еще ходил, в начальную. И ко мне ночью приходило чудовище. Все спят, а оно заходит, кудлатое, похожее на медведя. Кладет на меня лапы и душит. Я и крикнуть не могу. Но об этом я никому не говорил. Думаю, сам справлюсь. Возьму на ночь каталку, и как только оно будет заходить в хату, я его и ударю. Куда там, за каталку! Оно только зашло, на меня такой страх напал, я аж закаменел. И снова положил свои тяжелые лапы на грудь и начал душить. Тут я вывернулся и стал кричать. Все сбежались: Что такое, что такое? А я в память не могу прийти. Потом рассказал. А у нас были квартиранты. Мельник с семьей. Он и говорит:

— Надо помолиться Святителю Николаю, что он скажет?

На другой день мельник нам с мамой рассказывает... Пусть он выучит Символ Веры, молитву Святителю Николаю. Читает акафист. Кондак тринадцатый наизусть: «О, пресвятой и пречудный отче Николае, утешение всех скорбящих, нынешнее наше прими приношение, и от геены избавитися нам Господа умоли, богоприятным Твоим ходатайством, да с тобою воспевает: Аллилуиа».

Как выполнил я все это, чудовище перестало ходить. Поначалу, правда, в сумерки, в огороде оно появлялось. Но позже и совсем исчезло. Вишь, еще в детстве меня злой дух хотел погубить. А за что?..

АННУШКА ПРОЗОРЛИВИЦА

В сорок седьмом году был голод, а у жены старшего брата в Западной Украине жил двоюродный брат. Он пишет: «Что вы будете морить голодом детей и себя. Я даю гарантию, что на свои средства буду содержать вашу семью. Только приезжайте. Если у вас нет денег на дорогу, я вышлю. По получению вашего согласия».

Стали думать: ехать или не ехать?

С этим вопросом я пошел к болящей, парализованной, Аннушке. Она жила в восемнадцати километрах от нашего села. На поселке. Она видела любого человека. Строго поддерживала Церковь, все учение Христа, направляла нас к спасению.

По приходу к ней, я еще и слова не сказал, а она и говорит:

— С вашего дома Господь не благословляет никому выезжать.

Только после этого я открылся. Она дальше:

— Пусть они жалеют деток. Через них Господь пошлет им блага. А туда пусть не едут. Если не послушают, то и деток и их не будет.

Дома я все пересказал. Ну, они так и решили, не ехать.

Козочка у нас была. Все молочко — деткам. Мы тогда с братом вдвоем сапожничали. И кое-как перебивались, только что не опухали от голода. А брат — механизатор, кузнец хороший, но работы нет.

Зимой приезжает мой друг по школе. А он какой-то начальник в воинской части. У них подсобное хозяйство. Им специалист нужен.

— Как живешь? — спрашивает он брата, а сам так жалостливо поглядывает на худеньких деток.

— Да вот, за баночку кукурузы делаем новые сапоги.

— Если согласен работать у нас, то на этой неделе пришлю две машины для переезда.

— Зачем две. И одну нечем будет загрузить.

Вскоре брат с семьей переехал. И сразу им кабанчика дали, телку стрельную, муку выписали. Как Аннушка сказала, Господь пошлет милость ради деток, так оно и случилось.

Потом что оказалось... На тех, кто с Советского Союза поехал в Западную Украину, наскочили бандеровцы и вырезали всех.

И скажу за себя, один маленький случай... Я прислуживал в церкви пономарем. Отец Николай посвятил маленькую пасочку и два или три яичка. Собрались домой. Регент говорит:

— Возьми их себе.

Я взял подношение в платочек и пошел до Аннушки.

Я только зашел к ней в хату, а она и говорит:

— В церкви служишь, а воруешь.

— Я ничего не воровал... — и смотрю на нее удивленно.

— А пасочку кто тебе разрешал брать?

— Регент.

— А регент — хозяин? Без благословения бабушки — воровство.

Довожу это до отца Николая.

— Да, она права, — подтвердил он.

Это как же она видит и слышит за столько километров? Только по милости Божией. Как одному старцу задали вопрос:

— Как же Господь может видеть столько мира?

— Что ты удивляешься? Он в любую погоду видит самую маленькую мурашку и слышит ее топот, — ответил старец.

БОСЫЙ

Тогда я прислуживал в церкви, в Запорожье. При моем духовном отце Серафиме Тяпочкине. Помню, была первая неделя поста. Снега было еще много. Днем он взялся водой, а вечером стало подмерзать. Уже смеркло. Я готовился отдыхать. Прибегает ко мне наша сторожика:

— К нам человек какой-то пришел, можно его пустить?

— Обязательно.

— Я боюсь. Я таких людей еще не видела. Он пришел босый. По такому снегу. Ноги такие красные. Он сейчас у меня в сторожке.

Я иду туда. Поприветствовал. Смотрю, что он босый и говорю:

— У меня есть сапоги, но они на меня большие.

Я вам их отдам.

— Если бы я был в сапогах, так меня бы никто не видел, — отвечает он.

— А так, схожу я с какого транспорта или в вокзал захожу, тут милиция: «Почему босый? Кто ты такой?» Я отвечаю: «Раб Божий».

А в то время везде был карантин. Он спрашивает:

— У вас в селе как, причащают?

— Нет.

— И крест и иконы не дают целовать?

— Нет.

— Ну вот, сколько я проехал, все одно. Один только отец Серафим держит: и причащает, и крест и иконы дает целовать. Я у вас побуду. Покушал цыбульку с хлебом, чайку попил и лег отдыхать. Каждому дается свое. Какой-то подвиг нести. Не сам человек себе определяет. Пойди, прославь Меня. Разве вот так просто человек надумал и пошел по снегу? Попробуй, пойди. Сколько

он церквей и мест обошел. В мороз и в ледяную слякоть. Потом он, где-то через год, вторично пришел до отца Серафима Тяпочкина. Тут он ему говорит:

— Ну, теперь ты уже обувайся. Ты уже прошел свое.

Он же шел таким образом по благословению, — вот так утверждал веру.

А я у него спросил:

— Как Ваше имя?

Он сразу не ответил, помолчав, сказал:

— Александр Невский!

И больше мы не виделись.

ГОЛОСОВАНИЕ

В сорок четвертом году я пришел из армии больной. Ноги болели. Немножко посапожничаю и ложусь. Сидеть тоже больно. Но люди не оставляли меня. Принесут за работу продуктов больше, чем я бы деньгами взял. Как лучше станет, иду в церковь. Потихоньку. С отдыхом. На середине пути выскакивают с избирательного участка двое:

— Иди голосовать.

— До церкви я не буду голосовать. После...

— Что ты нас будешь задерживать?!

А по окончании службы мы пошли к двоюродному брату чаю попить.

Они уж и подводу домой посылали, а нас нет. Затем встречают:

— Что ж вы скрываетесь?

— С чего вы взяли?

— Ну ладно, идите.

Брат пошел первым. А я только переступил порог одной ногой, а дальше двинуться не могу. Стою, как вкопанный. За столом комиссия сидит. Все знакомые, в школу вместе ходили.

— Коля! Ты что стоишь?

— А нет хода мне.

Выходит брат, уже проголосовал.

— Что ты стоишь?

— Не могу ногу поднять.

— Как это не можешь?

Я тогда отступил назад. Выбегает председатель комиссии, безбожник.

— В чем дело?! Так тебя в армии воспитали? Я вот как врежу сейчас!

— Бейте.

— Почему не идешь?

— Не знаю. Но хода мне нет.

— Ну, мы тебе дадим ход! Отправим к белым медведям.

— Куда хотите, отправляйте. Подходит ко мне уполномоченный. Я спрашиваю:

— В чем заключается тайное голосование.

— Ты заходишь в кабину, и никто не знает, что ты там сделаешь,— объясняет он.

— А у меня не такое мнение. В тайном голосовании есть какой-то секрет. Это дьявольское изобретение.

Был и с Днепропетровска уполномоченный. Обходительный такой. У него, оказывается, мать тоже не голосует. Просил вот о чем:

— Ты не бери бюллетень, только зайдем с тобой в кабину и посмотришь.

Ну, я согласился. И мы идем. Он вперед, я за ним. Он пошел туда, а меня у входа как крутануло, и я на улице остался. Он кинулся, а меня нет. Выходит на улицу:

— Ну что ж ты меня подвел?

— А мне там нечего смотреть. Как уже устроили, так оно и будет.

На этом мы с ним покончили. Иду к болящей Евдокии. Они ж все получили извещения о выборах. Евдокия так встречает:

— Тебе что говорили? И я говорю. А ты по-своему неразумию дал согласие зайти. А это одинаково. Что ты зашел, что ты бюллетень бросил.

А Святитель Николай тебя за руку вышвырнул отсюда.

— Так что, голосовать не можно?

— По нашему, православному, Господь всем управляет. А мы идем голосовать. Будто Он не так устраивает. Мы свое хотим устроить.

Так я никогда и не голосовал.

СРЕДНИЙ БРАТ

Мой средний брат был в плену у немцев. Каким-то образом дошло, что его лагерь находится в Донбассе. Мама и жена брата засобирались. Отец Николай им говорит:

— Давайте отслужим молебен Святителю Николаю, и вы его приведете.

Шли пешком целый месяц. Голодно было, с собой взять нечего. Подавали добрые люди. Ночевали, приходилось, и в поле. Дорогой расспрашивали.

И вот повстречали они женщину. Шла впереди и несла два ведра картошки. Насобирала по выкопанному. Это ж сколько земли перевернула! Шла еле-еле.

— Давайте, я вам помогу, — предложила жена брата. — А вы мою кошелочку пустую понесете.

Та отдала ведро.

И так идут, разговаривают. — А ночевать у меня останетесь, — говорит женщина. Пришли домой.

За столом хозяин рассказывает... — Лагерей тут много. В одном я работаю. Если есть в списках, попросим свидание.

Брат оказался в том самом лагере. Хозяин упросил начальника выпустить его на свидание. Выходит он весь измученный. Увидел луковицу...

— О, дайте мне, не надо чистить, я со шкуркой буду есть.

И рассказывает:

— Мне сон приснился. Какой-то старичок пришел ко мне в барак и сказал, что к тебе придут жена и мать.

Ну, при свидании, мама и жена, чтоб не огорчать брата, рыдания сдерживали. А слез не могли удержать.

Вечером хозяин так советует вести себя. Станьте в очередь. Принимают двадцать комендантов. И только один выпускает. Я знаю его и дам вам знак.

Они все так и сделали. Показали коменданту справку сельскую из комендатуры немецкой, что за братом никаких преступлений не числится. Комендант ее посмотрел и сказал:

— Да, вы можете его взять. Только вам нужно будет принести: три литра водки, три килограмма сливочного масла, три килограмма меда, сало и курочку.

Но это ж в войну целое богатство, где они все это могли взять? Вот горе-то.

Сильно озаботился и хозяин. И он вспоминает о богатой семье, и предложил пойти к ним, попросить. Это по внушению святителя Николая и его милости нашли эту семью, которая и дала все просимое для вызволения брата.

И этот благодетель попросил после выкупа привести и показать, кого они выкупили.

После этого мать, брат и его жена еще неделю пожили у своих благодетелей. И благодарили главного помощника святителя Николая-Чудотворца.

Вернулись домой, отслужили благодарственный молебен святителю. Жили, вспоминая милость и чудо на них показанные, ходили в церковь.

... А когда уехали в совхоз на жительство, отошли от мамы и отошли от церкви, забыли своего помощника Николая-Чудотворца. Праздники перестали почитать, начались гулянки, пьянки, развлечения. Вскоре заболела жена брата, пошла к гадалке, та ей сказала, что будет жить. И после того она сняла крест. Посетила её сильная болезнь.

Узнав, что она болеет, мы со священником приехали к ним домой. Её узнать уже было трудно. Вымученная, пальцы покручены.

Исповедоваться и причащаться отказалась. И через малое время случился тяжкий приступ, кричала не своим голосом, что никто не мог находиться в доме.

С семи вечера и до семи часов утра это продолжалось, а утром она скончалась.

После её смерти брат не мог в своем доме жить. Он видел злых духов, разного возраста, которые не давали ему покоя, кололи его когтями, боли были как от шприцов. Священник предложил ему пособороваться, поисповедоваться и причаститься. Он согласился. И злые духи после этого к нему не прикасались, но в доме их было полно до тех пор, пока не освятили дом. И вскоре брат отошел.

СТАРШИЙ БРАТ

Родился он в тысячу девятьсот восьмом году. Во время коллективизации и раскулачивания (1926 — 1934 года) кто не соглашался быть членом колхоза, того судили. А друзья старшего брата заставили его быть ударником, чтобы забирать у людей имущество в колхоз. Он на это не соглашался. Его били и угрожали смертью, поэтому и пошел он в шахту работать. После чего эти ударники забрали у нас лошадей, корову и остальное хозяйство в колхоз. Но у нас был еще запас продуктов: мука, жиры. Наступил тридцать третий год, решительный. Все что у кого было, забрали. Начался искусственный голод. Все наши запасы забрали, сложили в нашу же кладовую и повесили свой за-

мок. Пользовались, а нам ничего не давали. Мы пухли от голода. Наступил тридцать четвертый год. Отец вернулся из тюрьмы еле живой тоже опухший от голода. Вернулся и старший брат, в шахте работать не мог, ослабел. Смотрит, дома ничего нет из продуктов, все голодают.

Пошел он устраиваться на работу в совхоз, километров за восемнадцать. Уходя он сказал, что должен вернуться домой хоть примут, хоть не примут.

Директор посмотрел на него и сказал: — Какой из тебя работник... И не взял. Он пошел обратно домой. Время было холодное, но ранние культуры уже сеяли. И магар, траву такую, на корм. Семена, как у проса, только мелкие. И из этих семян можно кашу варить. Он подходит к сеяльщикам.

— Ребята, не дадите немного магара?

— А у тебя что-нибудь есть?

— Я вам спецовку сниму.

— А куда ж ты будешь брать?

— В брюки.

Они насыпали ему магара, и он пошел. А тогда обработанных полей было мало, и трава была такая, что

не пройдешь. Вот он продирался, продирался и упал от безсилия. Один день его нет. На второй — дождь, ветер. Мы начали беспокоиться, где он, что с ним?.. Мама плачет, переживает.

А брат наш средний был уже такой, что бегал, ставил ловушки на сусликов. На третий день после обеда выглянуло солнышко. Отец пухлый от голода лежал. Сынишка спрашивает:

— Папаша, я схожу с ловушками на поле? Теперь суслики бегают.

— Ну, иди, иди.

Вышел он за село и Матерь Божия по молитве старшего брата и его просьбе послать младшего на помощь, невидимо перенесла его на выпаленную поляну. Если бы младшему идти своим ходом, то он бы не дошел до захода солнца, а он оказался там еще перед заходом.

Никогда там не был. Стал расставлять ловушки. Одну, другую, третью... Смотрит, уже в одну суслик попался. А тут, откуда не возьмись, коршун. Взял эту ловушку с сусликом и понес. Он за ним: «Гай, гай!» А ловушка тяжелая. Коршун нес ее, нес и выпустил.

Брат подбегает к ней, глядит, рядом старшой лежит. Еле дышит.

Старший только по голосу узнал брата и говорит:

— Федя, это ты, я уже третьи сутки прошу Матерь Божию, что б она тебя прислала...

Кое-как дошли к одиннадцати часам ночи домой. С сусликом и магаром.

Материнское сердце чувствовало что-то неладное.

Потом брат рассказывал, что он все время просил, чтоб Матерь Божия послала ему младшего брата.

А дня через два, он совсем занемог. У него все позападало, стал непохож на человека.

— Мама, я уже негодный, позовите священника...

Позвали отца Николая. Он поисповедовал, причастил и брат скончался.

И кашей из магара покормили тех, кто помогал хоронить брата.

КРЕСТ В ГОЛОВАХ

В нашу Никольскую церковь приезжали и с других мест. Отец Николай при всех привечал: — Кто желает петь на клиросе, почитать, милости просим, своих мы всегда услышим. Помню, приехал мужчина средних лет. Батюшка благословил его читать из «Апостола». Он стал возле амвона, где священник читает молитвы после Причастия.

Отец Николай вышел из алтаря, взял его тихонько за руку (тот не перестает читать) и поставил его по середине церкви. Около праздничной иконы. Когда он закончил чтение, отец Николай спрашивает:

— Почему вы стали читать «Апостол» около амвона?

— Я не знал.

— А что ты не спросил? Значит у тебя такая гордость? Я слышал твое чтение. Тебе не нужна книга, ты и на память можешь прочитать. Ну и что из этого, что ты все это знаешь? Пустое. Покайся. Отбрось гордость, что ты такой грамотный. Смирись. Почитай иконы. Святого, который празднуется. У тебя же икона оказалась сзади. Ты уже выше этого?

И приезжает к нам молодой человек по имени Виталий. Охотник до чтения. И попросил у батюшки тоже почитать «Апостол». Так книгу он держал со страхом и трепетом. Вышел на середину церкви, перекрестился, поцеловал икону. Хор закончил пение, и он начал читать. Каждое слово вливалось в сердце. Потому что от сердца и шло. Прочитал, перекрестился, поклонился иконам и пошел в алтарь. Отец Николай встретил его и говорит:

— Держи то, что у тебя есть: страх Божий и почитание икон. Будешь священником и для многих примером.

Через несколько лет он действительно стал священником, получил приход. А тут стало такое время, что крест стали ставить в ногах покойника. Так он говорил:

— Я готов принять любые самые жестокие муки, но только чтоб из моих уст не сошли слова: ставить крест в ногах. И не дай Бог, чтоб мне поставили крест в ногах, я и оттуда приду и покажу тогда, где крест ставится. Кончина у него получилась такая... Келейка его топилась углем, вставал он всегда раньше всех и говорил сторожам: открывайте церковь. А тут, люди идут в церковь, а батюшки нет. Потревожить боятся. Любили его очень. Ну, ждали-пождали, подошли к дверям, а оттуда какая-то гарь доносится. Сломали дверь. Да, был пожар. У него обгорели руки, борода, одежда. Книга раскрыта, для правила, читать.

Врачи дали такое заключение... Он угорел от угля. Сознание терялось. Он, видно, взял свечу, хотел почтить и упал с нею. Горящей. Хоронили на пятые сутки. Исследования были. Может, он пьяный был? А он никогда никаких напитков не употреблял. И когда служил, всегда принимал только постную пищу.

Перед похоронами сыновья пригласили специалиста, пожилую женщину, — он долго лежал, — и до него ведь не подойдешь. Женщина повела себя при этом как-

то странно. Сюда заглянет, туда, будто что-то ищет. Потом кругом осмотрелась. И говорит:

— Этого покойника я умащивать не буду. Вы чувствуете, какой аромат? Сколько работаю, такое не встречала.

И ушла. Все подивились. Лазарь евангельский четырехдневный смердел, а тут пятые сутки пошли.

И что было дальше? Когда опустили гроб, начали ставить крест и матушку будто, что-то толкнуло:

— Он же говорил: крест ставить в головах. А вы что делаете? Дайте хоть покойнику успокоиться. А то он придет и задаст нам всем.

Ну и поставили крест в головах.

ХОДАТАЙ

Трое суток Андрей был недвижим и без сознания. Только храпел. Болел он и раньше, но не так. А тут уже кончался. И лет-то ему было не больше сорока.

— Андрей, Андрей! — позвали его. — Может, ты хочешь исповедаться и причаститься?

И голова его чуть-чуть шевельнулась, как бы в знак согласия.

Тут же, пока Андрей еще дышал, побежали за отцом Никоном. Скорехонько он явился.

— Андрей, я пришел тебя исповедать и причастить, — да так повторил несколько раз.

Взял с престола крест, приложил раз к лицу, второй.

А после третьего раза у Андрея открылись глаза.

— Андрей, я пришел тебя поисповедовать и причастить...

Он молчал.

Отец Никон еще раз приложил крест.

И откуда у Андрея взялась речь.

— Там у тебя, в загробной жизни, нет ли родственника — священника или кого из духовенства? — спросил отец Никон.

— Есть. Дядя родной. Он был очень хороший священник.

И рассказывает:

— Когда были аресты, убиение духовенства, забрали батюшку, моего дядю. Посадили в поезд, закрыли вагоны для отправки в тюрьму или ссылку. Тогда все прихожане вышли и стали на рельсы. Перед поездом. «Режьте, нас, но мы вам батюшку не отдадим».

Призвали милицию, но она ничего не могла сделать. Толпа стоит на рельсах. А поезд по расписанию уже надо отправлять. Тогда начальник вокзала подходит к начальнику конвоя и говорит: «Так что, я из-за тебя буду

людей резать? Ты что, не можешь выпустить одного человека?! Выпускай его!»

Тому деваться некуда, открывает вагон и выпускает батушку.

... Отец Никон выслушал и сказал: — Вот кто за твою душечку ходатайствовал.

Андрея поисповедовал и причастил отец Никон. И в этот же день Андрей скончался. Хоронили его по церковному: хор церковный, отпевание.

Люди удивились, что так хоронили. А Господь взыскал душу Андрея, как взыскал болящего, лежащего тридцать восемь лет.

Покаяние... Милость Божия.

АРХИСТРАТИГ МИХАИЛ — ЖИВОЙ

Ехали поездом с Киевской Лавры. Спутники смотрели на купленные крестики, открытки, иконки. А рядом сидела девушка. Она как увидела Архистратига Михаила и так возрадовалась:

— Этот крылатый — живой!..

— Они все живые, — говорит ей женщина.

— Ну, я не знаю... — замялась девушка. — Я знаю, что этот живой.

И рассказала.

— Моя сестра верующая. А муж коммунист. Подходил день его рождения. А у них икона Архистратига Михаила во весь рост.

Он говорит, что мы должны пригласить таких-то людей и таких людей. И икону, которая стояла в зале, надо убрать. Я человек партийный и это будет для меня неприлично. «На что мне такие гости, чтоб мне указывали», — ответила сестра. — «А я тебе говорю — убери!» — «Не буду убирать, и готовить не буду». — «Ну, готовить, готовься, а икону надо завесить». — «И завешивать не буду», — стояла на своем сестра. — «Тогда я выброшу ее!»

Сестра осталась на кухне. С родственниками, которые ей помогали. А он пошел в зал. И было слышно, что он с кем-то разговаривает. Сначала тихо, потом громче, на крике: «Выйди с моего дома! Выйди!»

А никто ж не заходил. И несколько раз было его появление. С кем он разговаривает, того не слышно. Только его голос.

Потом вдруг, как он закричит, будто его режут. Мы в зал. А он лежит на полу.

«Что с тобой?» — спрашивает сестра. — «Я хотел выбросить, а он сходит с иконы и коснулся мечем носа».

И действительно, нос у него стал красным и воспаленным.

«А где же он сейчас?» — спрашивают его. — «Он
обратно зашел в икону. Давайте «Скорую».

На второй день стали съезжаться гости на день рож-
дения, а он скончался. И приехали они на похороны.

ЗАЩИТА КРЕСТИКА

Мама моя была верующая. И воспитывала по-христиански. Я носил с малых лет крестик. В первом классе учительница сорвала его с меня и выбросила в угол. Я встал с парты и поднял крестик; одел его и не снимал.

— Больше я к вам не приду.

А родителям не слова. Поиграю где-то пока закончатся уроки, ребята идут со школы, и я. Так дня четыре.

Приходит к нам домой учительница, которая сорвала крестик, и спрашивает маму:

— Что это ваш мальчик не ходит в школу?

— Ходит, — отвечает мама. — Каждый день.

— Нет, он уже четвертый день отсутствует.

Тут я признался и сказал:

— В школу не пойду.

— Почему? — удивилась мама.

— Она сорвала с меня крестик.

Тогда мама спрашивает учительницу:

— Зачем вы это делаете? Он крещеный и ребенок должен ходить с крестиком. Вы учите грамоте, а того не касайтесь.

— У нас нет учеников с крестиком, — упорствует учительница.

— Ну что ж, что нет.

Потом обо всем этом узнал директор школы. «Пусть этот мальчик ходит с крестиком», — разрешила она.

Ну, я хожу с крестиком. Так дети ж на меня были натравлены. На переменах дразнили, и было колотили.

ПРО ЖЕНИТЬБУ

А вот не так, как мы думаем, в жизни получается. А как Господь благословит. У меня до войны была невеста. Перед армией договорились с ней, что до окончания войны она будет меня ждать.

Я служил сначала в Персии, а потом нас перевели на Кавказ. В маленький городок. И у них тоже была избранница Божия, как Аннушка прозорливица.

У меня тревога. Наша местность была оккупирована. Живы ли родные? И за невесту тоже. Прихожу к ней. Постучал. Выходит женщина из дома и говорит:

— Нельзя тебе. Мужеский пол еще никогда не заходил в ее комнату.

Я тогда прошу:

— А вы скажите, пришел солдат и хочет что-то узнать.

Что, не говорю.

— Ну, хорошо, я спрошу.

Через несколько минут возвращается. И передает.

— Он волнуется: живы ли родственники, невеста. За маму у него меньше волнения, чем за невесту. Так, скажи ему, что она не его, вышла замуж. Так что пусть успокоится. А с родными встретится.

Так оно и было. Мама, два брата живы. Встречаю невесту. Она покраснела, слезки появились на глазах...

— Я не по своему желанию вышла, а по нужде. Тогда всю холостую молодежь отправляли в Германию, а замужних оставляли. И еще она сказала, что у нее уже двое детей.

Значит так надо. И дальше, после войны были у меня на примете девушки согласные. И вот собираешься жениться, и что-то всегда помешает. А уже после смерти мамы я пошел до Аннушки, а она говорит:

— Господь не благословляет тебя жениться. И бросай свои гулянки, это не твое.

ПРОИСКИ ДЬЯВОЛА

С Персии, где я служил, нас перевели на Кавказ. Воскресенье у нас выходной. И вот я услышал колокольный звон... Как он растревожил и восхитил мое сердце! Не передать словами это чувство. Я ведь давно его не слышал. Как разорили храмы, где ты его услышишь? В войну только открыли церкви. Это Господь такую милость оказал.

Иду до старшины и прошу:

— Отпусти меня в церковь.

— Ты что, надумал молиться?

— Не молится, а хоть посмотрю...

Сам думаю: «Какие сейчас священники, когда их

почти всех уничтожили?».

— Я тебе дам увольнительную, но если тебе встретится кто-нибудь из старших военных, скажи что ты не в церковь идешь, а на базар.

— Сбрехать легче, чем правду сказать.

Ну, он усмехнулся.

Я выхожу. Сейчас я не удивлюсь тому, что люди не хотят идти в церковь. Сам на себе испытал.

— Ладно, иди, да мне скажешь, кто в нее ходит.

Когда стал подходить ближе к церкви, слышу свист, крики страшные: «Куда идешь?! Туда военные не ходят». Люди идут, ноль внимания, а во мне другое. Неможно мне идти. Возвращаюсь. Потом вспомнил наказ старшины. Что я ему расскажу?

Иду снова. Повернул на улицу, где церковь и снова свист, голоса и будто скрежет зубов. Пойду, думаю, на базар. А люди будут идти мимо со службы, я на них посмотрю и доложу старшине. Свист прекратился. Пришел на базар. Там шум такой. Денег у меня нет, заняться нечем. И когда служба кончится? Пойду в церковь. Подхожу. И снова: «Сюда военные не ходят. В погонах

не стоят. Не заходи». Около ворот сидят нищие. У меня была мелочь, я подал им по копейке. Они спрашивают:

— Так вы хотите в церковь?

— А туда военные ходят?

— Все туда ходят. Иди, иди.

Я пошел дальше. И как напал на меня страх в ограде. А подниматься по порожкам надо. Высоко. Я снял головной убор, на паперти тоже много нищих. Только я поднял правую ногу на ступеньку, как меня какая-то сила откинула назад. Мне стало неловко. И чтобы не было заметно для нищих, я стал обходить церковь кругом. Как бы рассматривая ее снаружи.

Потом снова пытаюсь подняться по ступенькам. А меня снова откидывает. Нет хода. Нищие заметили и говорят:

— Перекреститесь, перекреститесь...

А я не могу, у меня в правой руке фуражка.

— Возьмите в левую руку, в левую...

Я сделал, как они сказали. Пытаюсь перекреститься, а рука дальше середины груди не поднимается.

— Вы что, раненый?

— Да нет, я ж только головной убор снимал.

— Перекреститесь... Помогайте другой рукой.

Как только я поднял ногу на порожек, в меня какой-то удар, сам себя будто ударил. Я назад. Нищие как заплачут.

— Матерь Божия, помоги ему, помоги...

Только после этого я перекрестился и вошел в церковь. Там много молодежи было. Стою, а мысль такая и очень настойчивая: уходи отсюда, посмотрел и уходи, тебе здесь делать нечего. Но я не вижу какой священник, молодой или старый. Мне ж рассказать старшине все надо, как я обещал. Это Господь меня так удерживал.

Вышел священник, лет средних, сделал каждение. Открываются Царские врата. Хор запел. А я зарыдал. Рыдаю на всю церковь. Все обратили на меня внимание. Некоторые подходят ко мне:

— Что у вас такое?

А я ничего сказать не могу, рыдаю и не слышу. Что поют? И успокоиться нет сил. Военных не было, один я. Хоть бы плакал потихонечку, а то навзрыд, будто я кого похоронил. Одна женщина подходит, другая, тре-

тъя, служителя два. Стали по бокам. Я перестал рыдать. Слезы льются, но тихо. Вижу, пришли в церковь майор и капитан, перекрестились. Поцеловали иконы. И стали впереди нас. Погоны у них такие сияющие. Я опять как разрыдался. Думаю: «Кто я такой? Негодяй! Стыжусь перекреститься. Вон какие начальники, у них столько негодных, как я, в подчинении, и они не стыдятся. И на меня не оглядываются. Божьим заняты».

Вижу, причащаются... А как бы мне исповедаться и причаститься?

А у нас такая часть была, что из гражданских в ней никто не работал и не бывал. Часовой же стоит. Вдруг, на другой день заходит к нам в мастерскую старичок, с седой бородой, поздоровался и спрашивает:

— А кто из вас старший?

Ему показали.

— Нет, не по годам, а по работе?

А я как раз жене начальника туфли делал. И смотрит на меня этот дедушка:

— Хорошую работу делаешь, а отделочного инструмента у тебя нет?

— Конечно, нет, откуда он возьмется.

— А я тут живу, через два дома, приди ко мне, я тебе дам.

И сам на выход. Ребята говорят:

— Что за старик? Сходи.

Я бросаю эти туфли и иду к нему. Пришел, он колет дрова, попиленные.

— Дедушка, давайте я вам поколю.

Взял топор и говорю:

— А вы знаете, какой мне нужен инструмент? Туфли я заканчиваю.

— Я знаю, — и улыбнулся в бороду.

Я поколол дрова, он выходит.

— Куда снести дрова? — спрашиваю.

— А вон сарайчик.

Я сложил дрова, и он пригласил меня за стол.

А тут иконы. Надо перекреститься, а я стыжусь.

И ему:

— Вы садитесь, а потом я.

Он прочитал молитву, перекрестился и я за ним.

Сели за стол. Он стал расспрашивать. И говорит:

— Какой-то военный так плакал, так плакал...

Священник в догадках был: какое у него горе?..

Тут я его спрашиваю:

— Вот, мне надо исповедаться и причаститься, как это сделать?

— Я староста церковный. С батюшкой договорюсь, только не завтракай.

— Надо ж увольнительную взять. Это ж не так, что выдумал и пошел.

— Отпустят, — твердо сказал дедушка. В следующее воскресенье придешь.

Я не выдержал и за столом расплакался. Он подставляет мне чай:

— Пей, пей, все будет хорошо, все уладится.

И я успокоился. Поблагодарил за угощение, за инструмент. Давал деньги. А он говорит:

— Не надо. Придешь в церковь, нужны будут свечи, сам будешь покупать.

В воскресенье я отправился в церковь. Подхожу к батюшке. Ничего не говорю. Слезы льются опять, но только что не навзрыд.

Как причастился, я всех обнимал, целовал, все мне родственники. Такой радости на сердце у меня не было никогда. И все от того, что дух мой обновился.

НЕПОСЛУШАНИЕ

Однажды пришел ко мне знакомый. По-мирскому он жил хорошо. Машина была своя. Спрашивает:

— А если вот я еду в церковь или куда, подвезу кого?

— Это доброе дело. Аварий можешь избежать. Только денег не бери.

— Да я и так не беру.

А тут, не помню в каком году, привезли в Москву мощи преподобного Серафима Саровского. Пригласил меня съездить, поездом, купил и мне билет, мы съездили, приложились к святым мощам и тем же поездом вернулись. И все у него стало хорошо. Проходит год или

больше. Зовет он меня в Почаевскую Лавру. Поехали. Побывали на службе, от Стопочки взяли святой водички и идем в трапезную. Нам встречается отец Илларион и твердо ему наказывает:

— Тебе необходимо в этом году еще раз приехать.

А была уже осень.

— Наверно, у меня не получится, — замылся он.

— Сделай так, чтоб получилось. Если не приедешь, то уже больше вообще не приедешь, — и строго так на него посмотрел.

Затем обратился ко мне:

— А ты защищай Православную веру.

— А кто ж я такой? Как я буду ее защищать?

— Говорю тебе: защищай Православную веру.

И три раза повторил.

Знакомый мой в тот год в Почаев не поехал. А жена его потом вот что рассказала... Среди ночи ее муж слышит голос: «Спасайте! Спасайте!» А у них там вблизи речка. Он побежал туда и с концами. Утонул.

А если б не ослушался старца, может и не было бы той беды.

ИЗГНАНИЕ БЕСА

Пришлось мне в Почаевской Лавре побывать. Туда в тот раз приехала с Сибири мать с дочкой. Дочке лет семнадцать, маленького росточка и такая худенькая... Ну что там у нее за сила?

Когда по окончании службы опустили икону Божией Матери и стали к ней прикладываться, то одержимые болезнями злого духа, бесноватые, не подходят. Невидимая сила как бы охраняет ее. (Сначала очиститесь!)

Смотрю, по просьбе матери четыре человека пытаются поднести девочку и приклонить к иконе Божией Матери. Но она, по их словам, как железная, и не уловишь. А среди этих четырех был знакомый мужчи-

на, который пятипудовый мешок одной рукой поднимал. И так она дико кричала, что никогда не подумаешь на девочку. А слова были страшные.

Кто был в Почаевской Лавре, знает, что там есть стопочка, след от стопы Матери Божией. И из этой стопочки течет целительная вода. Говорят, что она даже мертвых оживляла. И мать девочки попросила батюшку отслужить молебен, чтобы Матерь Божия помогла ее дочери.

В ожидании молебна все стояли смиренно и девочка тоже. Но как только появился священник, она начала ругаться...

— Ты что идешь?! Я на тебе ризы порву! Я тебе покажу, как молится за меня! Я не хочу, что б за меня молились!..

И голос был какого-то грозного человека, злого духа.

Батюшка — никакого внимания. Подходит к столику и начинает молебен:

— Пред святою Твоею иконою, Владычице, молящиеся исцелений сподобляются, веры истинныя познание приемлют...

Тут она как кинется на него:

— Я на тебе ризы порву!

А какая-то сила не пускает. Достать не может, хоть и рядом стоит.

Как только она на него не кричала! А он продолжает:

— К Тебе, о Богомати, молитвенно притекаем мы грешнии, чудеса Твоя во святей Лавре Почаевской явленные поминающе и о своих сокрушаемся прегрешениях...

Тут голос девочки стал еще грубее. Даже у мужчины такого нет:

— Знали мы твою силу, но мы приехали с тобой повоевать! Не выйдем отсюда, не выйдем!

Батюшка не останавливается. Смирение побеждает все. К концу акафиста вдруг девочка как упадет, пена изо рта, и по полу ногтями скребет. А голос такой пошел:

— Выйдем отсюда, выйдем отсюда...

И, как за стеной, слышится музыка, свисты, крики. И все это отдаляется, отдаляется...

— Выйдем отсюда... Мир развращен, места нам хватит... Девочка затихла, сделалась как мертвая. Дух

злости вышел. Потом, как подхватится, да с такой быстротой и так твердо кладет крест:

— Матерь Божия, помоги мне. Помоги мне!..

Как будто она видит Ее живую. И не сводит с Нее глаз. А сама плачет. И голос детский.

Когда окончился акафист, началось освящение воды, она продолжает плакать. Уже никаких криков, только слезы. Батюшка повернулся к ней с крестом и подал ей освященной воды:

— Бери, деточка, пей водичку...

А люди как напали на эту воду, те, что молились. Свалили чашу. Покатались баночки, бутылки, только набили стекла! Батюшка прижал к себе крест, но никому ни слова не сказал. Никому.

А потом, когда все утихло, и так утихло, что как будто нет ни единого человека, батюшка обращается:

— Братья и сестры, молебен еще не закончен.

Девочка стоит плачет, мать плачет. Батюшка:

— Матушка, налейте водички в чашу и поставьте сюда на стол.

А после, когда стали подходить ко кресту, батюшка

кропил каждого и одной женщине сказал:

— Раба Божья, ты б еще с ногами влезла в чашу...

— А что, невозможно? — ответила она бесовским голосом.

А батюшка кропит ее, кропит...

Так вот девочка исцелилась.

Если б только священник на кого-нибудь возмутился: «Что вы делаете?!» она бы не исцелилась. Божия благодать от него отошла бы. Смирение победило. Вот как оно велико в своей силе.

А то еще видел, как две девочки хотели приложиться на могилке Серафима Тяпочкина к кресту, а их невидимая сила откидывала.

И на его поминках вот что было. Встретился я там с полковником из Днепропетровска. Он инвалид, на костылях. Ездил по разным церквям, монастырям, у него много фотографий. После обеда мы сели с ним на скамейке в ограде, и он стал их показывать. Вокруг собралось много народа. Интересно же посмотреть! Как он показывает фотографию отца Серафима, некоторые люди начали отодвигаться и похрюкивать. А от фотографии Ио-

анна Кронштадтского их (в кого бес вселился) как косой скосило. А так, стояли, вроде, нормальные. И голоса:

— Что ты их показываешь?! Они нас мучат. Они весь мир спасают, а ты их носишь?!

Дьяволу ведь что нужно? Уловить наши души. В первую очередь, верующих людей. Бесы неверующих не трогают. Они и так ихние. С отцом моим был такой случай... В армию ему надо было идти. А колдуны тогда были и сейчас есть. Спрашивает — того, кто поближе к ним, не могут ли они ему помочь, освободится от армии. А отец играл на гармошке. Танцы, пляски, развратные частушки, дело бесовское исполнял.

— Таким мы не помогаем, — отвечает тот. Только тем, кто в церковь ходит.

Отец кому-то об этом рассказал, и пошло по селу: кому они помогают. Так этот помощник колдунов часов в двенадцать прибежал, побил окна и кричит:

— Ты что тайну рассказал?! Мы хотим весь мир покорить!

И сила у них большая. Но даже от фотографий святых они хрюкают и падают.

НАШ ОТЕЦ НИКОЛАЙ

1

В нашем храме Святителя Николая сорок лет служил отец Николай. А до него священником был его отец, о. Василий, и служил он столько же — сорок лет. За восемьдесят лет два священника. Кто-то из священноначалия посмотрел приходскую книгу и не нашел в ней ни одной жалобы ни на священника, ни на прихожан. «Такого я нигде не встречал — удивился он. — За восемьдесят лет...» Батюшка наш Николай часто нам говорил: «Вот вы называете меня своим отцом, и мне перед Богом придется за каждого из вас дать отчет. Что я сделал? Как научил? Вот многие приходят на исповедь и обеща-

ют исправиться, а потом то же самое. Живут к примеру невенчаные. Что вам мешает? Стыдитесь? Божьего дела? Может нечем заплатить? Я отчески вам говорю: не надо мне вашей платы. Мне главное, чтоб прихожане жили законно. Неудобно днем, приходите ночью. Если боитесь, что кто-то узнает, вы только скажите. Идите, как к отцу».

Ходили мы с ним с молитвой по домам. Бедным вдовам с детьми, старикам и старушкам отдавал все, что собиралось в церкви, и при этом говорил:

— Это наша кладовая, мы там получим. Многому можно было у него поучиться. Однажды доводит до нас, что Патриарх беспокоится за чад своих, за священство. Он дал указание, чтоб при храме не было черных касс. А откуда мы знали, что это за черные кассы? А у нас для пожертвования были кружки. За несколько лет они стали черные. И мы ему сказали, что кружки перекрасим.

Он усмехнулся.

А тут вскоре было поминовение усопших.

Хоть приход у нас был и маленький, а однако, на кладбище съехались из Запорожья, Никополя, Марган-

ца. И они привезли много свечей. Был сильный ветер, и свечи на могилках не горели. Мы потом собрали их целую скатерть, привезли в церковь. Отец Николай спрашивает женщину-старосту:

— Что вы с этими свечами будете делать?

— Батюшка, а вот у вас риза вся в заплатах. Давайте мы справим облачение. Пустим свечи в продажу.

— Боже сохрани, Боже сохрани. Вот с этого черные кассы и нарастают.

Вот тогда мы поняли, что такое черные кассы.

— А что ж с ними делать? — спрашивает староста.

— Переберите, какие годные, будем светить. Людей мало, а свечи чтоб горели. А о ризе думать перестаньте. О ней есть кому позаботиться.

А тут подходит храмовой праздник — Святителя Николая. А у меня был знакомый схиигумен. В армии вместе служили. И он приезжал к нам. Стоит во время службы, проповеди отца Николая, и думает о своем сыне: «Когда ж я встречусь с Адамом?» Так звали его сына.

А отец Николай ему говорит:

— Когда встретишься с Адамом? Вот он, Адам...

— и показывает на Крест Господень, его подножие.

Схиигумен не ожидал. Вот через него решили мы попросить в Запорожье отцу Николаю новое облачение, чтоб отслужить праздник. Староста встревает:

— Видите батюшка, то б у нас были свои, а то надо кого-то просить.

— Святитель Николай знает, что нам надо, — ответил отец Николай.

Поехал я в Запорожье: поговорил там с батюшкой.

— Хорошо, дам.

А утром прихожу, он:

— Не, не дам.

Возвращаюсь, рассказываю отцу Николаю.

— Ну, это он на свой аршин меряет, — только и сказал наш батюшка.

И дня через два отцу Николаю привозят два новых облачения.

— Я вам говорил, что Святитель Николай знает, что нам нужно. Вот он и прислал.

Рассказывал отец Николай и о своем мученичестве в лагерях. И как только над ними не издевались, что только с них не требовали! Одно из требований было: отрезать косу. Кто шел на это, давали поблажки в отдыхе, еде, одежде.

А он не соглашался. Так его на ночь сажали в камеру с урками, уголовниками...

— И вот садятся они на плечи, по очереди, я их вожу целую ночь, а они косу и бороду выдергивают. Утром выпускают. Начальник лагеря спрашивает: «Ну так что, отрежем косу?» — «Нет». И дают самую тяжелую работу. Уменьшают порцию хлеба. Доведут человека до того, что он уже сам себя не понесет.

Было в лагерях и такое... Священник говорит начальнику:

— А вы тоже прославляете Иисуса Христа, Господа нашего.

— Как?! — возмутился он.

— Вы пишете: 1937 год. Откуда взялась эта дата? От Рождества Христова.

Это отец Николай рассказывал о другом, но этим «другим» был, скорее всего, он сам.

Как правило, всех священников заставляли отречься от веры. И вот одному епископу предложили выйти на трибуну и сказать, что он обманывал народ. Епископ согласился, вышел перед народом и возгласил:

— Христос Воскресе!

— Воистину Воскресе! — хором отвечают ему.

— Христос Воскресе! — и так на все четыре стороны.

Ему еще дружнее отвечают.

Епископ поворачивается к начальству:

— Весь народ подтверждает, что Христос Воскрес, а вы от меня хотите отречения.

И смертно пострадал тот епископ. Царство ему Небесное.

Когда отец Николай совсем изнемог, его вывезли в лес, на съедение зверям или на замерзание. Морозы были страшные. Целую ночь плакал. Слезки на сосне остались мерзлые... «Будешь моей свидетельницей». И уж пальцы приморозились, ноги. Звери подошли,

посмотрели, сделали круг около него и ушли.

И вот, когда чуть-чуть стало светать, слышу голос: «Поп, поп! Ты живой? Поп, ты живой?» А я не могу отозваться. Весь захолонул.

Все замерзло. И голоса у меня нет. Слышу, кличет кто-то, а откликнуться нет сил. Когда солнышко едва показалось, он на меня нападает. Это в лесу, надо же было найти!

Подошел ко мне и возмущается: «Сколько я хожу, кричу, а ты не отзываешься?!»

А я ничего не отвечаю.

Он берет меня на плечи и куда-то несет. А там речка протекала, такая, что не в какие морозы не замерзала. По ней сплавляли лес и зимой.

Поднес он меня до берега. Там работали четыре человека. Он спрашивает: «Скоро вы закончите плот сооружать?» — «Кончаем уже». — «Мне надо отправить домой этого человека».

А я думаю: «Булькну на середине речки, вот и дом мой».

Переправились благополучно. Заносит он меня в контору к начальнику и говорит: «Санктируйте мне этого

человека», и никто не спрашивает, где ты его взял, кто он такой. И дали ему какой-то документ. Потом он заносит меня в какое-то здание, в комнату и начал выхаживать. Все ведь приморожено. Ходил как за ребенком, — и молоко, и мед. Где он только доставал по тем временам?

«Мне голос был, — говорит, найти тебя в лесу и доставить в Москву».

Как вылечил, привозит в Москву и такой разговор: уничтожь документы, что ты православный священник и поедем до папы римского. Там ты ничего делать не будешь, с тросточкой будешь ходить. Но я тебе должен вот что рассказать. Когда папа принимает, он особые одежды надевает. Когда ты откроешь дверь в приемную, становись на колени и на коленях подходи. Целуй сперва правый туфель, а потом левый. На правом туфле изображен Спаситель, на левом — Матерь Божия.

— Так этот папа выше Бога? Боже, спаси. Зачем ты меня выходил?

— Как мне сказано, так я и говорю. Нужно твое согласие.

— Как ты можешь такое предлагать? Лучше бы я

в лесу замерз, но только бы это не слышать. После этого дает мне деньги, берет билет на поезд, покупает продуктов, сажает в вагон и говорит: «Теперь до свидания». Кто он такой, я не спрашивал.

После лагерей отец Николай еще служил, но был очень слаб. Пойдет староста в колхоз, попросит лошадей, посадим его в зерновозку и до церкви. Ноги пухлые, ходить не мог. Мы его под руки, и как станет у престола, все плачет и плачет.

Потом после облачения, приступает к службе. И откуда у него силы брались! Даже голос становился молодым.

Рассказывали об этом Аннушке. Она вздохнула и говорит:

— Если б Господь кому открыл: с кем он служит. Вы б не удивлялись.

А один прихожанин с Марганца увидел...

Несет, значит, отец Николай Евангелие, а с двух сторон его поддерживают Ангелы, такие светлые и сияющие.

Сам отец Николай удивился:

— В чем дело? Как облачусь, стану совершать службу, откуда-то силы притекают. А вышел из церкви и никуда не годен.

Был у него и дар прозорливости. Но сам он его скрывал. Мы же видели. Ходил к нам один юноша по имени Борис. Отец Николай сразу его отметил: этот будет священником. Проходит несколько лет. Отец Николай спрашивает:

— А где тот юноша, что ходил к нам с Марганца?

— Он уже служит в Днепродзержинске дьяконом, — говорю я.

— А-а... Та он уже дьякон? Так я напишу прошение, что б меня вывели за штат, а его к нам.

Буду подучивать. Пусть не сомневается и рукополагается во священники. Поезжай. Ну я и поехал. Из церкви с батюшкой и дьяконом Борисом пошли на трапезу. А их регентше я был немного знаком. За столом батюшка спрашивает:

— Как ты к нам попал?

— Я приехал отца Бориса у вас взять.

— Бери, он нам не нужен.

А слово священника — закон. Я показываю письмо. Он схватился за голову:

— Я думал ты шутишь. Пост подходит. Что ты в самом деле?

— А вот второе письмо ко Владыке: чтоб его рукоположили во священники.

Батюшка прочитал и это письмо. Борис спрашивает:

— Ну что, батюшка?

— Что ж, я слово уже дал.

После рукоположения отца Бориса во священники приезжаем в Никополь. Староста церкви спрашивает:

— А крест священнический у тебя есть?

— Нет.

— А у меня есть. Чистили Днепр и нашли. Он у меня давно лежит. Вот как раз тебе и крест. Бери.

Борис рад-радешенек.

По приезду в Борисовку отец Николай поздравил Бориса и сказал:

— Я тебе буду помогать. Только не вздумай на большой приход перейти. Если пойдешь на большой, все потеряешь.

— Нет, нет, такого не будет, — заверил Борис.

И он начал служить.

Потом, как-то мы собираемся с отцом Борисом в Никополь к его знакомому крестить детей и святить дом. Ночью, чтоб люди не видели.

Провожая нас, отец Николай говорит:

— Если я скончаюсь, дома меня долго не держите.

Помазали маслом и в церковь.

— Что вы говорите, отец Николай! Мы ж раненько и приедем.

— Ну что ж, что раненько. Это ж Божье дело.

А если буду в церкви мешать, народа будет много, вы поставьте мой гроб в притворе. Так оно все и вышло. Он знал, только не говорил прямо, а — «если».

После похорон нашего батюшки Николая отца Бориса приглашает его друг и говорит:

— Меня переводят в город. Бери мой приход. Что ты там будешь киснуть? Пиши прошение.

И отец Борис написал.

Прошло какое-то время, и он говорит нам:

— Я на Рождество от вас уеду.

— Как?! Отец Борис!..

— Меня переводят в другой приход.

Едем с ним в Днепропетровск. Я там и говорю:

— Как же так? Праздник подходит, а вы у нас отца Бориса забираете.

— Как забираем? Два месяца как он подал прошение.

Мы к отцу Борису:

— Что ж вы людям говорите, что переводят? Помните, что отец Николай сказал?

Он молчит. Перешел на больший приход. Но этот приход по каким-то причинам быстро закрыли. И он стал мыкаться, туда-сюда. Дали ему где-то под Мелитополем другой приход. И вот что потом рассказала его матушка... Он собирался на службу, читал Правило. Остановился и жалуется: «Матушка, мне так плохо, так плохо... Вызови «Скорую». Пока «Скорая» ехала, он слег. Жив, а сознания нет. Врачи сказали, что тревожить его нельзя. Может скончаться в машине. Что-то с головой было у него. Ну, так он и отошел. Обман — страшное дело. Особенно для священника. Уж кого другого, а отца Николая он мог бы послушать.

Батюшка наш, отец Николай, был истинный служитель Церкви. От того ему многое было дано. На моих глазах было такое... Сколько вокруг Борисовки было

церквей, а больных к нам везли, к отцу Николаю. И вот такой был один: ходить он уже не мог. Родители положили сына на скамеечку.

Отец Николай обратился к прихожанам:

— Дорогие братья и сестры! Нам привезли больного, так как носили к Спасителю расслабленных. Так вот, Господь, видя веру их, исцелил болящего. Давайте и мы помолимся, чтоб видел Господь нашу веру и исцелил болящего.

Вместе с отцом Николаем все плакали. Начался молебен. Мне довелось держать чашу над головой болящего. Его поддерживали на стуле.

Потом сам больной рассказывал:

— Когда отец Николай погружал в чашу крест — первый раз — боли начали проходить. Во второй раз погружения, я почувствовал тело здоровым, только как бы по частям. А в третий раз — целиком здоровым. Потом батюшка дал с креста мне воду: держи, умывайся. Я умывался, встал и вышел из церкви сам.

Вот какой был наш отец Николай, Царство ему Небесное.

ОТЕЦ СИМЕОН

Отец Симеон был строгий священник.

Помню, пригласили его на погребение моей дальней родственницы. Он служит, еще не конец, к нему подбегают:

— Батюшка, заканчивайте, музыка приехала!

Он закончил служить, а потом подзывает хозяина:

— Вы знали, как свою дочку будете хоронить? Что такое музыка?

— Я не приглашал, ее с завода прислали.

— Так вот что значит эта музыка, — вразумлял отец Симеон. — У нас есть два вида погребения, христианский и гражданский. И третий — завецание покойника. Если вы хотите хоронить с музыкой, хороните. Но к священнику тог-

да не обращайтесь. И печатать не буду. А если по-христиански, приглашайте священника, читать Псалтырь. Или везите покойника в церковь. Гражданское погребение другое. Там пусть мертвые мертвых хоронят. Как в Евангелии сказано.

А то, в оккупацию, под новый год, вызывает отца Николая немецкий комендант и приказывает:

— С нового года будешь службу вести по-новому, по-католическому. Такой стиль твой будет.

— Новым стилем я не только душе вред принесу и природе.

Тут отец Николай вспомнил, что в своих газетках они писали, что церковные порядки они менять не будут. Заигрывали.

— Если вы заставляете служить по новому стилю, напишите распоряжение.

— Я писать не буду.

— Если вы писать не будете, то и я по-новому служить не буду.

И комендант похлопал его по плечу:

— На всю область, на всю область один...

А по всей области обновленцы объявились.

СЛЕЗЫ

Слезы — это кровь души. Они бывают ей на пользу или во вред. Они неодинаковы, хоть и исходят из одного источника.

Есть слезы обиды. Обидели человека, он плачет. Эти слезы для души бесполезны. При обиде мы должны набираться терпения. А его нет.

Есть слезы радости. Радость бывает разная, допустим, мы получили какую-то земную радость, прибыль, — и радуемся. Это тоже для души бесполезно.

А какие слезы полезные? Слезы покаяния. Они приносят душе великую пользу, и душа умывается этими слезами.

Покойный отец Серафим Тяпочкин как станет проповедь говорить, так у него становилось два носовых платочка выкрученных, столько было слез. Он плакал потому, что мы только приезжали к нему, а исправления не было. Он видел каждого и оплакивал.

Так его даже уполномоченный вызывал:

— Что вы там говорите, что все плачут?!

— Я говорю то, что написано в Евангелии. Я своего не добавляю.

— А что ж люди плачут?

— Откуда я знаю? Может, их касается благодать Божия.

УКРАШАЙТЕСЬ

У нас в церкви была прихожанка Матрена, которая читала на клиросе. С Псалтырью она ходила к покойникам. Упокоить их. И дома читала. Когда к ней пришли с урной для голосования, она так им сказала:

— Вам душа нужна? Какой враг хитрый: под любой личиной души ловит. Идите от меня, что б я вас не видела.

А нам она говорила:

— Не ходите в агитпункт. Там невидимо сидит дьявол и регистрирует наше ему поклонение. Если б Господь открыл, куда мы идем, и те б агитаторы сбежали.

Нет такого человека, чтоб сердце его не было чем-то

занято, заполнено. Тем или другим. И вот, когда Матрена умерла, мне приснилось...

Как будто мы собирались где-то в храме. Но в нем нет никакого освещения. Вдруг является Матрена. И у нее такое сияющее лицо, что сразу все светилось. А в сумочке у нее Евангелие и Псалтырь. Она открывает эту сумку, вынимает их и обращается к нам: «Читайте эти книги, украшайтесь ими. Смотрите, какая я красивая. Они меня украсили». И три раза повторила эти слова. И лицо ее еще больше просияло.

Затем она положила Евангелие и Псалтырь в сумку, вышла и снова наступила тьма.

ВОСКРЕШЕНИЕ МАТЕРИ

Когда я увидел, что мама скончалась, то я за брата подумал: «Как ему сообщить?» Пришла соседка, она помогала тут управляться, я ей говорю, что надо за братом послать. «Все сделаем», — сказала она.

Приехал брат, мама уже покупана была и собрана. А я все плачу.

Потом на меня что-то нашло, я не стал владеть собой, начал кричать:

— Святитель Николай! Воскреси маму! Ты ж воскрешал мертвых, воскреси, чтобы я получил благословение: как мне дальше жить?

И к ней.

Брат оттесняет:

— Что ты сейчас просишь? У мертвой. Раньше надо было просить!

А у меня одно:

— Святитель Николай, воскреси!..

Сколько я кричал, столько он меня отгонял...

Но я свое. Я был не в себе. Надо мною уже было невидимое руководство Святителя Николая. Сам человек ничто, а если он обращается к святому, Святителю Николаю... Я-то не призывал, я кричал:

— Святитель Николай! Воскреси мою маму, что бы я получил благословение: как мне дальше жить?

Бегу в комнату, беру маленькую иконку Святителя Николая, кладу маме на грудь. Брат отталкивает:

— Что ты делаешь?!

Но тут, вскорости, мысли у меня меняются, я взял святую почаевскую водичку, чайную ложечку, открываю ей рот... Все застывшее. Покойница. Рот открываю насильно. Брат бьет по рукам:

— Отстань, говорю!

А для меня ни брата, никого. Мне надо воскресить.

Ну, как я влил водичку, она так и стоит, не движется.

Брат:

— Зачем тревожишь?!

А я:

— Святитель Николай!..

Через какое-то время слышу: водичка буль-буль-буль...

Брат еще сильнее возмутился. А когда водичка прошла, я еще раз налил.

Брат готов меня прибить.

За третьим разом приема водички мама вздрогнула, все тело.

Брат побледнел, то ли от злости, толи еще от чего.

А я ему:

— Тебе хорошо, ты получил благословение, а я как дальше буду жить?

И беру мамину руку и делаю крест рукой. Будто она крестится. Когда сделан был крест, у нее открылись глаза. Смотрит в одну точку.

Брат гневается уже как-то испугано:

— Что ты сделал?! Что ты сделал?!

Я снова:

— Святитель Николай, воскреси!..

И тут ее глаза начинают открываться и светлеть...

Я бегу за просфорой, кладу ее в руку. Беру иконочку:

— Мама, благослови!

Ну, она ж то ничего не отвечает... Только смотрит, но никаких слов не говорит.

Потом вдруг глубоко вздохнула, и правая рука поднялась и сделала крест. Как перекрестилась, тихонько прошептала:

— Детки, как мне жалко с вами расставаться...

(С грешными. Не привела нас еще к Богу).

Когда мамина сестра, другие родственники приехали на похороны, мама с нами разговаривала уже полностью.

А на мою просьбу, как мне дальше жить, отвечала одно:

— Господь управит, как жить.

Я ж ей как бы напоминал, что мне, может быть, женится, чтоб помощь какая-нибудь была?

После я пошел к прозорливице Аннушке, парализованной, она твердо:

— Господь не благословляет тебя жениться.

Узнавали о воскрешении матери соседки, которые помогли убирать, обмывать, — ужасались и притихали. А самая ближняя соседка за все три года, которые еще прожила мама, не могла к ней подойти:

— Баба, я тебя боюсь, ты же мертвая была. Воскрешение не мое действие, а Святителя Николая, чтоб мы верили в его силу, и что через иконочку подается благодать, через любую, новую, старую. Если мы призываем какого святого или Спасителя, или Матерь Божию на помощь, мы не должны сомневаться: получим ли?

Ну, за этим, как брат видел такое чудо, стал он причащаться. Он и раньше ходил в церковь, но не так прилежно.

Спрашивали меня, не видела ли мама что-нибудь, когда была в том мире. Об этом между нами не было ни слова.

АФЕРИСТЫ

А теперь мы побеседуем с вами о том, что Господь нам дает для вразумления.

После операции, меня повезли в лес сюда в Ракитное (Белоцерковск. Епархии, приблизительно 2003г.). Свидетель этому всему отец Тихон, потому что он со мной все время. Там был еще отец Антоний и архимандрит наш Амвросий. Мы сколько-то побыли в Ракитном, а потом нас перевозят на какую-то базу отдыха — я на коляске был, меня привезли туда. Ну а утром я проснулся, заглянул в окно. У-у, думаю, куда нас привезли! Кругом цветы, такая чистота. А нас там пять человек, пять монахов, а комнаты такие роскошные. Через несколько

суток, я не помню, приезжает владыка. Зашел ко мне и говорит:

— Вот есть такое предприятие, заказать сюда деревянную церковь, они все там готовят, а тут только приедут, фундамент разметят и в течение трех месяцев церковь готова. Они привозят все готовое.

При этом я задаю вопрос ему:

— Владыко, а нас отсюда не выгонят?

— Нет, кто нас выгонит! В Ракитном уже мы рассчитались полностью, ничего там нету, документально уже все сделано, никто нас не выгонит отсюда.

— А можно теперь ставить иконы?

— Делай, можно.

А там зал какой-то. А там такая чистота! Это какая-то база отдыха. И владыка говорит, что все сделано документально и в Ракитном у нас ничего уже нету. Все докуменально и там уже люди хозяйевуют, собственность ихняя, нашего уже ничего нет, все докуменально. И там было у меня три иконы таких в киоте. Тут они не помещаются в этом, потому что уголок такой близко к окну. Не помню, два или три дня прошло, когда подгоня-

ют трактор с прицепом и грузят. Мы как нахальные. Ко мне приехали из Киева и перевезли в Ракитное, а там не пускают уже нас. Мы же никто там. Ну как-то они там упросили, что нас пустили. Сколько прошло времени, целый день мы ничего не кушали, суета такая. И эти домики, где мы жили, там и свет отрезали, ничего там нет, пустота. Ну и перед вечером уже, солнышко так уже на западе, отец Тихон забежал и говорит: «Приехала женщина из Киева и навзрыд плачет, говорит, они жили с мужем очень мирно, она куда-то отлучилась, приезжает, муж все иконы и лампы снимал и поскидал в кучу и говорит: нам это не нужно. А у нас тоже самое. У нас это все на куче: иконы, лампы». Я лежу, значит, а он спрашивает: «Впустить эту женщину? Я говорю: «А как же, раз она плачет пусти ее». Она говорит: «Я вас ищу с шести часов утра, и там была, и там, и уже перед вечером нашла. И вот мне говорит: «А что мне делать?» «Нанимайте Матери Божией об умягчении злых сердец, чтоб муж умягчился». Она уже рыдает: «Что ж такое случилось с моим мужем?»». Она ушла, а у меня такая мысль, а чего она ко мне приехала, там еще-ж был схимник Лука,

схимник Иларион и отец Авраамий. Только я это подумал, и думаю, что ж мы ей не предложили покушать, с самого утра такая голодная женщина. Так мне обидно! Но и сами-ж еще не кушали. И вдруг открывается - не вижу я ничего, ни стен, ничего — открывается площадь. На площади сначала были монахи, трое. Несут что-то такое неудобное, что они пронесут немножко и отдыхают. Я вижу, но не знаю что это такое. Мне непонятно было что это. Голос, откуда-то голос: «Я, говорит, не сужу вас, а дела ваши осудят. И такой голос, что я такого голоса нигде не слышал и не видел... Я вас не сужу ... Три раза проговорил: Я вас не сужу, дела ваши осудят вас. Три раза проговорил, а потом говорит: «Престол Спасителя». Это они несли Престол, а я ж не знал, что это Престол. Тогда мне голос: «Престол Спасителя!» Немного они пронесли, а потом повернули боком. Разделиши ризы Моя» — слышу голос! Когда я услышал, что Престол Спасителя, опять слышу: «Скоро, скоро, скоро известите владыку, чтобы он освятил Престол, где ему подобает быть по уставу Православной Церкви». Вижу, а они уж где-то скрылись с этим Престолом. А там же

негде его поставить, потому что где ты его поставишь. И на этом закончилось. Я зову отца Тихона и говорю: «Отец Тихон, немедленно скажи этим, архимандриту Антонию, что вот такое, сообщить надо владыке. Не знаю, они там сообщили или не сообщили, владыки не было. Оттуда меня обратно забирают в больницу. Я лежал в больнице, потом вышел из больницы и был тут в Белой Церкви. Приходит ко мне владыка и архимандрит Георгий. Я им стал рассказывать это, говорю, вот у меня такое было: что это Божие или какое?» Они говорят, что Престол тут этот, где-то поставили, нету ж ему места. Престол, говорит, тут. Я говорю: «А как вы думаете, это Божие или искушение какое? Тут приходили ко мне, две женщины, принесли большую икону на храм Рождества Христова в Ракитном». И когда они туда пришли, а там ничего нет, они пришли ко мне с этой иконой. Это слышал владыка. Я ему говорю, что приносила эта женщина и что написано: жертва на храм Рождества Христова в Ракитном. Поехали, а там ничего нет. А архимандрит Георгий говорит: «Да, они принесли к нам эту икону и мы ее определили». Через некоторое время — не знаю

куда они пристроили эту икону — приезжает ко мне женщина с Орла и спрашивает: «У вас тут строят церковь Рождества Христова в Ракитном?» Я говорю: не знаю строят или не строят, что там, нас оттуда выгнали нахальников. Она мне и говорит, что у нее такой богатый муж уже построил три церкви, говорит, если там есть строительство, помогу. Три церкви уже построил, подарил большой автобус для поломников и обслуживает это. И он прислал ее, посмотреть, есть ли там что строить, чтобы самому приехать туда посмотреть. И она уехала. А я говорю владыке: «Владыко, ко мне приезжала такая женщина с Орла. А у нас есть церковка святителя Николая. Они там убирали, старые иконы уносили. Я владыке говорю: вы покажите им, что там нужно. Они приехали. Но они ж не объявили, кто они такие». Поехали в Ракитное, а там ничего нет. Заходят они оба, этот мужчина и эта женщина, и он говорит: тут одни аферисты, я с ними никакого не могу вести общения и больше я сюда не приеду. Владыка приходит после этого. Говорю, приезжали эти люди, вы им показывали храм святителя Николая? Он говорит: а я никого не знаю. Они же при-

ехали и не объявили кто они такие. Они приехали посмотрели, ничего не делается, и больше их не было. И вот до сих пор по документам числится этот храм Рождества Христова в Ракитном, а там ничего нет. ... Вот это наше, что мы делаем, подлость, а люди то видят. Та женщина, что приносила икону, говорила, что у нее есть дочь за границей, которая много жертвовала на это строительство. А когда она хотела узнать куда ее деньги пошли, ее жертва, то она обиделась на мать свою, что не увидела построенного храма.

Нерукотворный Образ, который находился в Москве, в каком-то Соборе. Когда разоряли и все забирали в музей, женщина, которая пела в архиерейском хоре г.Симферополя, упала на колени и просила батюшку отдать ей этот Нерукотворный Образ, а батюшка говорит: «Как же я тебе могу отдать, когда они все под номером, а она упросила». И вот — это ж не то что сон — я зашел к ней в дом, а она спрашивает: ты видишь этот Нерукотворный Образ. Я говорю: вижу. Я сначала не заметил, что у него закрыты глаза. Она спрашивает: закрыты глаза или открыты. Я глянул — закрыты. Делай три поклона — это правда было — и я сделал три поклона, открываются глаза. Живой! Я вострепнулся и говорю: открыты глаза. А потом еще, три поклона — закрыты, а потом еще — открыты. И вышел я — были открыты. Нет же такого нерукотворного образа, чтобы закрыты были глаза — всегда открыты. И она говорит мне: а кому совсем не открываются.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ

Анны, метере Самуила пророка.

Бога почитает неплоды, раждающая странно

Свят еси, Господи, и Тя поет дѹх мой.

Утвердися сердце мое в Господе, вознесся рог мой
в Бозе моем: разширишася уста моя на враги моя,
возвеселихся о спасении Твоем.

Яко несть свят, яко Господь, и несть праведен, яко
Бог наш, и несть свят паче Тебе.

Не хвалитесь, и не глаголите высокая в гордыни,
ниже да изыдет велеречие из уст ваших:

яко Бог разумов Господь, и Бог уготовляяй начинания Своя.

Лук сильных изнеможе, и немощствующии препоясашася силою.

Исполнени хлѣбов лишѣшася, и алчущии пришельствоваша землю:

яко неплоды роди седьмь, и многая в чадех изнеможе.

Господь мертвит и живит, низводит во ад и возводит.

Господь убожит и богатит, смиряет и высит: возставляет от земли убога, и от гноища воздвизает нища,

посадити его с могущими людей, и престол славы наследуя ему.

Даяй молитву молящемуся: и благослови лета праведнаго.

Яко не укрепляется силен муж крепостию своею, Господь немощна сотвори супостата его: Господь свят.

Да не хвалится премудрый премудростию своею, и да не хвалится сильный силою своею, и да не хвалится

богáтый богáтством своим:

но о сем да хвáлится хваля́йся, е́же разумéти и знáти
Господа, и творíти суд и прáвду посреде земли́.

Господь взы́де на небеса́, и возгремé, той сýдит кон-
цем земли́, прáведен сый.

И даст крепость царю́ нашему, и вознесет рог хрис-
та́ Своего́.

Слáва Отцú и Сы́ну и Свято́му Дúху, ны́не и прýсно
и во веки веков. Амíнь.